

Раздел 2. НАСЛЕДИЕ

6

Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (Ответ нашим критикам)*

Н. Д. Кондратьев

1. Вопросы о современном положении мирового хозяйства и природе кризиса, переживаемого им, имеют огромное теоретическое и практическое значение. Вот почему работы, занятые этими вопросами и, в частности, появившаяся осенью 1922 г. наша книга «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» привлекли к себе довольно большое внимание текущей литературы. Что касается нашей книги, то, помимо различных мелких рецензий, на ее разбор и критику, насколько нам известно, останавливаются четыре статьи и рецензии: М. Бронского в «Вестнике Социалистической Академии» (№ 2 и № 3 1923 г. – Обзор литературы по мировому хозяйству), его же в «Социалистическом Хозяйстве» (№ 1, 1923 г.), Александра Кона в «Печати и Революции» (кн. № 1, 1923) и Н. Н. Осинского в «Красной Нови» (кн. № 2, 1923 г. – Мировое хозяйство в оценке наших экономистов).

Отношение перечисленных статей в разбираемой ими работе далеко не во всем однородно. Одни, не соглашаясь с некоторыми нашими положениями и, в частности и в особенности, с пониманием и объяснением кризиса 1920–1921 гг., тем не менее признают работу «ценным статистико-экономическим исследованием», «правдивой фотографией изменения конъюнктур за последние годы», отмечают богатство и тщательность подбора материалов (Бронский, Кон). Другие, как Осинский, совершенно отрицают всякое научное значение книги, считая ее тенденциозной апологией капитализма, лишенной даже научной добросовестности.

Настоящая работа является ответом нашим критикам и в особенности Н. Осинскому, так как его статья наиболее обширна, содержит фактический материал и представляет попытку иного истолкования динамики мирового хозяйства. Однако вступать в полемику как таковую все же не

* Публикуется по изданию: Кондратьев Н. Д. Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса. (Ответ нашим критикам.) Социалистическое хозяйство. 1923. № 4–5. С. 50–86.

представляет объективного интереса. И если мы выступаем с ответом, то преимущественно в силу надежды, что настоящий ответ, быть может, хотя бы до некоторой степени будет способствовать внесению определенности в постановку вопроса и уяснению не только существа наших разногласий, но и самой динамики мирового хозяйства.

Считаем необходимым с самого начала указать, что как при составлении работы, так и сейчас мы были и остаемся далекими от догматического признания непогрешимости своих позиций. В предисловии к своей работе, после указания на тяжелые условия ее составления в отношении недостатка материалов, черным по белому мы писали: «...и тем не менее, заканчивая работу, не имеешь, нельзя иметь твердой уверенности, что в ней учтено все основное в объекте исследования... Во всяком случае мы принимаем свои построения *eum grano salis* и готовы их пересмотреть всякий раз, если нам будут указаны или встретятся данные о значительных фактах и явлениях, нами не учтенных или учтенных недостаточно. Эту оговорку мы просили бы читателя иметь в виду» (3–4). Эта оговорка тем более, казалось бы, должна была остановить на себе внимание критиков. Во всяком случае, она позволяет нам подойти совершенно свободно к построениям критиков и принять все, что у них есть научно-ценного.

Но что же дает в основных чертах критика нашего изображения и объяснения динамики конъюнктур мирового капиталистического хозяйства и его кризиса?

2. Прежде всего представляется совершенно необходимым устранить одно недоразумение, в которое впадает критика, если не вся, или не вся открыто, то, во всяком случае, в лице А. Кона и отчасти Осинского.

Речь идет о динамике и кризисе мирового капиталистического хозяйства. Само собой разумеется, что для понимания конъюнктур и кризисов этого хозяйства имеет первостепенное значение, рассматривать ли капитализм как историческую или как естественную и «вечную» категорию социально-экономической жизни. Если стоять на второй точке зрения, то уже в силу одного этого не только кризис 1920–1921 гг., но и всякий кризис представляется только случайным и временным потрясением. Кон приписывает нам именно вторую точку зрения. Более того, он принимает на себя смелость выразить якобы наше мнение в виде следующего силлогизма (142–143 стр. его статьи). «П о с ы л к и : 1) Капиталистическое общество должно всегда существовать. 2) При диспропорциональности в производстве оно существовать не может. 3) Война нарушила равновесие капиталистического общества. **З а к л ю ч е н и е :** Равновесие капиталистического общества должно быть восстановлено».

С формально-логической стороны силлогизм, если угодно, безупречен. Но мы решительно недоумеваем, какое отношение имеет он к нам и где Кон вычитал у нас первую посылку своего силлогизма. Может быть,

он вывел ее из того, что у нас нет прямой декларации обратной посылки? Но, во-первых, мы вообще занимаемся не декларациями, а исследованием. Во-вторых, у нас нет и многих других деклараций, например по теории ценности, ренты и т. п. Однако значит ли это, что критик имеет основание приписывать нам те или иные определенные точки зрения по этим вопросам по своему усмотрению? Идя таким путем, критик мог бы построить целое экономическое мировоззрение, приписать его нам, а затем критиковать его, как ему угодно. Это очень легкий, но и наименее плодотворный способ критики. По существу же, стоя на исторической точке зрения, мы всегда рассматривали капитализм лишь как определенную ступень в развитии хозяйства, и первая наша еще студенческая работа была посвящена как раз рассмотрению «Основных учений о законах развития общественной жизни»¹. Устранив указанное недоразумение, обратимся хотя бы к важнейшим спорным вопросам динамики конъюнктур современного мирового хозяйства и его кризиса.

3. Вопрос о нашем понимании динамики конъюнктур и кризиса мирового хозяйства, в сущности, – центральный теоретический пункт критики, направленной против нас и нашедшей наиболее полное выражение у Осинского. Оставим пока частные разногласия, последуем за Осинским и остановимся прежде на методологической стороне постановки вопроса. В двух словах наша общая постановка вопроса такова.

Общественно-экономическая жизнь по самому существу своему динамична². Она обнаруживает динамические процессы двух видов: 1) необратимые, которые характеризуются тем, что имеют определенное направление и не имеют повторений и циклов и 2) обратимые, которые не имеют направления и циклически колеблются около какого-то уровня. Одни элементы народного хозяйства, такие как техника, потребности, организация хозяйств, подвержены необратимому процессу изменений. Другие элементы, такие как народонаселение, производство и др., подвержены одновременно и тому и другому процессу: в общем они имеют определенное направление роста, но в то же время или циклически сменяется темп их роста, или наблюдается циклическая приостановка этого роста, переходящая иногда (например, в производстве) в упадок, который, однако, не нарушает общей тенденции роста. Третьи, по преимуществу – ценностные элементы, например цены, процент, курсы бумаг и др., подвержены обратимым процессам. Изменение народного хозяйства в целом – процесс необратимый. Для пояснения нашей мысли об обратимых и необратимых процессах возьмем такую

¹ См. «Новые идеи в экономике» № 5 – Закономерность общественного развития.

² Несмотря на это, А. Кон обвиняет нас в «статичности мышления», а заодно уж и в теологичности его (143). В чем эта статичность, критик не поясняет. Что всего удивительнее, так это то, что он и не аргументирует своего тезиса, как не аргументировал он и своего силлогизма. Ясно, что возражать против такой критики не только трудно, но и невозможно.

иллюстрацию. Рассматривая организм, скажем, человека, мы находим в нем различного рода обратимые циклические процессы, например процесс кровообращения, питания и т. д. Но в то же время мы знаем, что организм в целом и его различные элементы участвуют и в необратимом процессе развития и перехода с одной ступени на другую.

Изучая динамику народно-хозяйственной жизни, мы можем сделать предметом своего исследования необратимый процесс изменений всего ли народного хозяйства или отдельных его элементов. В таком случае мы будем изучать, в сущности, ступени развития народного хозяйства и смену этих ступеней и стадий, каждая из которых будет количественно и качественно отличаться друг от друга; например, смена средневекового ремесленно-городского строя капитализмом, переход капитализма из стадии торгового капитала в стадию промышленного и далее финансового капитала. Отсюда ясно, что, по существу, и вопрос о смене капитализма социализмом есть вопрос необратимого динамического процесса народного хозяйства в целом.

Но мы можем сделать предметом изучения и обратимые процессы, подверженные, как правило, циклическим колебаниям, и можем исследовать ход этих циклов. При этом мы должны, конечно, помнить, что на отдельных ступенях необратимого процесса в зависимости от степени их своеобразия характер обратимых процессов может быть в той или иной мере различен. И если изучение динамики необратимых процессов при капиталистическом строе есть изучение развития самого капиталистического народного хозяйства и смены его ступеней, то изучение динамики его обратимых процессов есть изучение смены циклов народно-хозяйственных конъюнктур капиталистического хозяйства. Конечно, в самой практике исследования весьма трудно совершенно размежевать тот и другой предмет. Исследуя обратимые процессы, для их понимания сплошь и рядом исследователи вынуждены обращаться к процессам необратимым, и наоборот. Но это нисколько не колеблет логической определенности и значения первой и второй проблем. Изучая в своей книге конкретный отрезок в экономическом ходе динамики конъюктур, мы не считали возможным и нужным останавливаться на общих вопросах разграничения проблемы развития и проблемы конъюктур. Мы не остановились на этом еще и потому, что под теми или другими названиями разграничение это в теории уже установилось. Когда мы читаем работу Зомбарта «Современный капитализм», мы хорошо знаем, что речь идет именно о вопросах развития капитализма. Наоборот, когда мы читаем работы, посвященные вопросам конъюктур и кризисам, такие как работы Жюгляра, Туган-Барановского, Афталиона и др., мы столь же хорошо понимаем, что речь идет прежде всего о циклических обратимых процессах.

Осознание различия проблемы необратимых и обратимых процессов мы находим и у Маркса. С одной стороны, Маркс стремится вскрыть обратимые, повторяющиеся процессы капиталистического хозяйства, такие как метаморфозы товара, воспроизводство капитала, кризисы т. д., с другой – он совершенно отчетливо говорит о необратимых процессах, о тенденциях развития этого хозяйства, например об общей исторической тенденции капиталистического накопления, о законе концентрации, тенденции нормы прибыли к понижению и др., создающих в целом предпосылки для гибели капитализма и обобществления производства.

По изложенным причинам мы не остановились, повторяем, на детальном разграничении проблемы обратимых и необратимых процессов. Однако во введении к своей работе достаточно определенно формулировали свою основную задачу именно как задачу изучения конъюнктур (стр. 9). Тем самым вопросы необратимого процесса, вопросы о развитии капиталистического народного хозяйства в целом, о возможности, близости и путях крушения капитализма методологически были исключены из поля нашего прямого внимания. Этих вопросов, относящихся к необратимому процессу и развитию хозяйства, мы касаемся лишь в той мере, в какой это необходимо для уяснения самого хода конъюнктур.

Указанное разграничение проблем, достаточно ясно наметившееся уже в прошлом экономической науки, по-видимому, недостаточно осознается критиками в лице Кона и Осинского. От них ускользнул поэтому точный смысл поставленной нами задачи исследования, и сама наша постановка вопроса встретила с их стороны ряд неожиданных критических замечаний. Каких же?

Прежде всего Осинский утверждает, что уже в основе самой нашей постановки вопроса заложены предвзятые идеи. «Если кто-либо подходит, – пишет он, – к описанию мирового хозяйства во время войны и после нее только с точки зрения анализа периодически сменяющихся конъюнктур³, для того, чтобы, – цитирует нас критик, – “способствовать дальнейшей постановке некоторых основных задач теории динамики и конъюнктур” <...> капиталистического хозяйства, то здесь мы уже имеем две скрытых предпосылки: 1) что капиталистический строй во время войны и после войны не вступил в полосу ликвидации и 2) что он даже не переживает существенного перерождения, благодаря которому теория динамики и конъюнктур, построенная до войны, оказалась бы устарелой в самых своих основах» (стр. 171)⁴.

³ Характерное «только». В то время как мы, делая непосредственным объектом изучения динамики конъюнктур обратимых процессов, вовсе не исключаем из поля внимания необходимой связи их с явлениями необратимых процессов, Осинский усиливает нашу точку зрения и вставляет свое «только».

⁴ Курсив наш.

Но какие же доводы приводит критик в подтверждение своего обвинения в указанных им предвзятых идеях? – Никаких. И никаких доводов он не может привести, так как в самой постановке вопроса таких идей совершенно не содержится и содержаться не может. Во-первых, критик попросту позволил себе впасть в заблуждение, придав абсолютно неверное истолкование цитируемому им тезису: «способствовать дальнейшей постановке задач теории динамики и конъюнктур». Способствовать дальнейшей постановке задач теории динамики и конъюнктур капиталистического хозяйства – вовсе не значит еще признать дальнейшее существование самого прежнего капитализма в будущем, и развитие теории конъюнктур вовсе не есть развитие самих конъюнктур. Капитализм может рухнуть, но это не значит, что он и его конъюнктуры не могут быть объектом изучения. Ведь изучаем же мы структуру и функции цехового строя, хотя его уже давно нет.

Во-вторых, критик забыл, что мы находимся лишь в стадии общей постановки вопроса. И поскольку мы находимся в этой стадии, сама постановка вопроса еще не предрешает ответа на него. Что это так, а не иначе, Осинский мог бы видеть, если бы он случайно не выхватил приведенную им цитату из нашей книги и не перетолковал ее, а внимательно прочитал бы и непосредственно предшествующее ей наше положение. Между тем здесь мы пишем, что, исследуя за время войны и после нее элементы мирового хозяйства и их своеобразные взаимоотношения, мы хотели бы «попытаться уяснить, в какой мере эти взаимоотношения и комбинация взятых экономических элементов укладываются в рамки современной теории динамики» (9). Эта цитата с достаточной ясностью говорит за то, что своей постановкой вопроса мы не были связаны в выводах. Наша постановка вопроса сама по себе вовсе не обязывает еще к признанию, что динамика мирового хозяйства во время войны вполне укладывается в рамки теории динамики конъюнктур обычного времени: она вполне допускает и вывод, что ход динамики исследуемого периода не может быть объяснен и понят на обычных путях теории динамики. Очевидно, что критику следовало бы не обвинять в предвзятых идеях на основании простой постановки вопроса, а показать ошибочность наших положений по существу. Между тем именно этого, то есть самого главного, ему, как мы увидим, сделать совершенно не удалось.

Но чего, собственно, хочет в постановке вопроса сам Осинский?

Казалось бы, из предыдущего он должен был бы прежде всего отвергнуть самую постановку вопроса о конъюнктурах или придать ей совершенно новое значение. И однако это не так.

Дав волю на стр. 171–176 своим упрекам и обвинениям по адресу нашей концепции, на стр. 193 Осинский говорит о работе С. А. Фалькнера и в примечании пишет: «В целях расчленения темы, выделения специаль-

ного предмета, вполне возможно специальное описание конъюнктуры, но без всякого нарушения связи с ходом этой общей динамики» (то есть развития капиталистического хозяйства в целом? – *Н. К.*). Итак, оказывается, специальное изучение конъюнктур вполне возможно и, очевидно, раз его защищает сам критик, уже не заключает в себе предвзятых идей, правда, только при условии ненарушения связи движения конъюнктур с ходом «общей динамики». Но что значит заниматься изучением конъюнктур и не нарушать указанной связи? Очевидно, это не значит, что, занимаясь специальным изучением конъюнктур, исследователь должен фактически изучать самую общую динамику, а значит только то, что исследователь конъюнктур должен учитывать влияние на них со стороны необратимых процессов. Но если так, то ясно, что критику, согласно его же заявления, нужно было бы на деле обнаружить, что нами требуемая им связь нарушена. Осинский прилагает немало усилий для доказательства этого, однако безуспешно. Гипнотизируя читателя при характеристике наших построений словами «только конъюнктур», «чистое описание конъюнктур», Осинский стремится внушить ему мысль, что мы ведем изучение динамики конъюнктур как бы вне времени и пространства без всякого учета явлений необратимого процесса, несомненно отражающихся на ходе конъюнктур. И думая, что цель достигнута, он победоносно восклицает: «Что значит “чистое описание” конъюнктур “натуралистических” и “валеристических”!» Что же значит? Оказывается, это значит затушевывание противоречий и мрачных черт действительности. Это значит нарочитое исключение из поля внимания «уличных боев рабочих, нарастания революционной волны в Европе» и т. д. Но так ли это? Что уличные бои и баррикады, нарастание революционной волны и борьба против капитализма могут быть предметом изучения, с этим никто не спорит. И всякий, кто исследовал бы тенденции развития современного хозяйственного строя, то есть исследовал бы необратимый процесс динамики, конечно, должен был бы учесть их в первую очередь. Но как должен отнестись к этим явлениям тот, кто исследует движение конъюнктур? Обязан он игнорировать их? Отнюдь нет. Он должен учесть их, поскольку они являются, во-первых, показателем конъюнктур (например, профессиональное и стачечное движение), во-вторых, поскольку они являются фактором движения конъюнктур (политические потрясения, стачки и т. д.). Но если это так, то не мог же критик просмотреть, что на стр. 69–70 и 128–129 мы даем как раз то, что нужно, даем систематическую сводку данных, доступных в то время нам, о профессиональном и стачечном движении, рассматривая его и как показатель, и как фактор конъюнктур. Не мог же критик просмотреть, что все наиболее значительные моменты борьбы рабочих, как стачки американских и английских углекопов, политические осложнения в Германии, мы отмечаем всюду, где это необходимо для понимания конъюнктур (стр. 93, 128–129, 173–174).

Правда, у нас нет необходимого самостоятельного описания стачек, уличных боев и т. д. Но это вовсе и не обязательно в работах, подобных нашей, посвященных прямо и непосредственно иному предмету⁵. Отсюда ясно, что пока упреки Осинского не имеют достаточного основания. Начав с нападения против теории конъюнктур, Осинский закончил ее признанием. Попытавшись дискредитировать наше описание конъюнктур, он пока не доказал, что оно игнорирует какие-либо существенные факты динамики, от которых зависит само движение конъюнктур. В правильности этого замечания мы будем иметь возможность убедиться еще много раз, когда перейдем от общей постановки вопроса к нашим выводам. Сосредоточим внимание в первую очередь на вопросе о причинах кризиса 1920–1921 гг.

4. Общим образом мы определили кризис как нарушение равновесия в подвижной системе элементов народного или мирового хозяйства (стр. 191). «Существо кризиса, – пишет профессор Варга, – составляет отсутствие равновесия в мировом хозяйстве»⁶. Осинский, по его же заявлению (стр. 206 статьи), «с основными и, в большинстве случаев, с частными положениями проф. Варга согласен». Отсюда казалось бы, что в определении кризиса у нас нет разногласий. Однако, согласный с профессором Варга, Осинский на стр. 201 определяет кризис сам «как абсолютный способ разрешения... противоречий для каждого данного отрезка капитализма». Это определение Осинского нужно признать совершенно неудачным. Терминологически оно как будто соответствует определению Маркса. Но только терминологически. Осинский, по-видимому, не осознает, что дает, собственно, не определение кризиса, а указывает на результаты, к которым кризис приводит, то есть к разрешению противоречий. Вот почему определение Осинского не отвечает и смыслу учения Маркса. Маркс пишет: «Кризисы всегда представляют только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие»⁷. Отсюда ясно, что, с одной стороны, существо кризиса Маркс видит именно в нарушении равновесия; с другой стороны, он отмечает, что в результате этого нарушения равновесия или кризиса является временная ликвидация существующих противоречий и восстановление равновесия. И если Осинский хотел бы дать не простое указание на результаты кризиса, а действительно определение его, то он должен был бы вскрыть, в чем состоят указыва-

⁵ Характерно, что критик ставит нам в особую вину то, что он не ставит в упрек другим разбираемым им авторам, в частности профессору Варга. У последнего тоже нет апелляции к уличным боям, нет апелляции даже и к стачечному движению.

⁶ См. его «Кризис мирового капиталистического общества». 2-е изд. / под ред. Н. Л. Мещерякова. Стр. 45.

⁷ См.: Das Kapital, 5-te Auflage. Hamburg, 1921. Dritter Band, erster Teil, стр. 291.

емый им «способ разрешения противоречий», или, иначе, вскрыть, какими чертами характеризуется хозяйство противоречивого периода. Отсюда мы считаем, что определение профессора Варга ближе к истине, ближе к мнению Маркса. И Осинский поступил бы правильнее, если бы согласился с профессором Варга и в этом пункте. Но тогда у него не было бы противоречий и с нашим определением кризиса. Однако коренной вопрос не в определении, а в объяснении капиталистического кризиса 1920–1921 гг., факт которого не оспаривается ни критикой, ни нами.

Подходя к объяснению кризиса в своей книге (см. стр. 199–207), мы прежде всего в полном соответствии с нашим фактическим анализом пытаемся найти его конкретные идиографические условия именно как кризиса 1920–1921 гг. Эти условия для нас теснейшим образом связаны с влиянием войны. Их мы видим как в условиях мирового, так и в условиях национальных хозяйств. Конкретные условия первого порядка отмечаются нами следующие: а) диспропорциональное распределение производства; б) диспропорциональное распределение покупательной способности, которое рассматривается нами, в сущности, как другая сторона первой диспропорциональности; в) далее мы указываем, что эти диспропорциональности усиливаются выходом из мирового хозяйства России и других стран и системой репараций; г) тенденцией хозяйств некоторых стран Европы к возрождению и, следовательно, усилением их конкуренции с заокеанскими странами; д) неблагоприятностью для мировой торговли положения вексельных курсов; е) расстройством мирового кредита; ж) понижением покупательной силы массового населения благодаря тяжелым налогам.

Конкретные условия внутри национального порядка мы видим: а) в диспропорциональном распределении производства между отдельными отраслями производства, вызванном гипертрофией отраслей, работавших на военный рынок и менее всего пострадавших от войны; б) соответственно – в диспропорциональности распределения покупательных сил для удовлетворения хозяйственных нужд; в) в упадке массового потребительского спроса в силу обнищания масс и тяжелых налогов.

Мы отмечаем, что указанные условия первой и второй категорий строго разделить нельзя, что они друг друга усиливают, действуя в одном и том же направлении. Учитывая это, мы пытаемся обобщить их и формулировать причину кризиса н о м о г р а ф и ч е с к и. С этой точки зрения мы видим причину кризиса в диспропорциональном распределении производительной мощи и покупательной способности, отражением чего на поверхности явлений, естественно, являются несоответствия опроса и предложения⁸.

⁸ Пользуемся случаем отметить, что профессор Фалькнер во втором издании своего «Перелом в развитии мирового промышленного кризиса» критикует нас (стр. 101–102) как буд-

Критики в общем отнеслись отрицательно к нашему объяснению кризиса, но по-разному. Один из наиболее внимательных и объективных критиков, М. Бронский, принципиально признает верным путь обобщения конкретных условий кризиса. Но его смущает мотив обобщения, который будто бы руководит нами. Мотив этот он видит в стремлении «обезличить» (?) кризис 1920–1921 гг. и тем самым поставить его в один ряд с другими капиталистическими кризисами. Думается, что критик глубоко ошибается. Всякое научное обобщение, всякий переход от идеографической точки зрения к номографической является, если угодно, обезличением изучаемого объекта. Но обезличение это является не мотивом, а неизбежным спутником и методом обобщения. Мотивом же обобщения, очевидно, всегда служит стремление установить ту или иную закономерность

то не по надлежащему направлению. Во-первых, в его представлении мы объясняем кризис одновременно и диспропорциональностью в развитии производства, и налогами. Из предыдущего ясно, что то и другое являются для нас лишь конкретными условиями кризиса, которые с обобщающей точки зрения нами затем синтезируются. Во-вторых, он ошибочно приписывает взгляд, что мы имеем в виду лишь диспропорциональность производства в национальном масштабе. В какой мере, далее, наше объяснение соответствует фактам или «привнесено сюда явно à priori из одной из существующих теорий кризисов», как думает С. А. Фалькнер, это, конечно, можно оспаривать. Но аргументы С. А. Фалькнера не убедительны. Действительно, что касается его указаний на противоречащее как будто нашему взгляду запоздалое вступление в кризис относительно гипертрофированной металлургической промышленности по сравнению с текстильной, то заметим: во-первых, в своем месте в книге мы указываем специально причины этого (см. стр. 148–149), заключающиеся в большой послевоенной устойчивости рынка товаров тяжелой индустрии; во-вторых, и обычно толчок к перелому и кризису исходит из отраслей производства предметов широкого потребления; в-третьих, металлургическая промышленность пострадала отнюдь не менее, чем текстильная, и это, может быть, в данном случае самое главное. Профессор Фалькнер преувеличивает относительную гипертрофию металлургической промышленности и недооценивает стойкость текстильной, которая тоже ведь работала для военного рынка. Действительно, по данным ежегодника «Мировое хозяйство», редактированного самим С. А. Фалькнером, мы имеем следующую мировую (без России) продукцию в % к довоенной:

	Хлопок, за 1919/20 в % к 1912/13 гг.	Чугун, за 1920 г., в %	Сталь, к 1913 г.
Число учтенных стран	12	12	11
Продукция всех стран	90,0	79,9	94,3
Продукция без Германии и Австрии	100,2	96,6	114,7

Отсюда видно, что хлопчатобумажная промышленность сохранилась лучше, чем чугунолитейная, и несколько хуже, чем сталелитейная. Во всяком случае, профессор Фалькнер не прав, когда утверждает, что чугунная и стальная промышленность «развивались, тогда как другие (? – Н. К.) хирели и сжимались» (101).

В заключение заметим еще, что профессор Фалькнер в примечании на стр. 102 указывает на недопустимость определить величину налогов по странам, пользуясь пересчетом их по интервалютарному курсу, и сравнивает этот прием с приемом шовинистской печати в Англии, стремящейся преуменьшить тяжесть обложения Германии. Мы не знаем, кому адресовал этот упрек профессор Фалькнер. Если нам, то заметим: во-первых, в нашей таблице (стр. 203) обложение дано не только в переводе по интервалютарному курсу дня, но и по паритету и в денежных единицах каждой страны; во-вторых, профессор Фалькнер глубоко ошибается, что пересчет обложения, например, по индексу цен дал бы более тяжелую картину для Германии.

явлений, так как закономерность по самому существу своему предполагает обобщение. Но если так, то критика от «мотивов» здесь совершенно неуместна: можно и следует говорить только о правильности или неправильности самого обобщения. М. Бронский, по-видимому, считает наше обобщение неверным, но, к сожалению, не указывает, в чем именно.

Проще поступает А. Кон. Он не спорит против содержания нашей обобщенной формулы причин кризиса, но только потому, что считает ее очевидной, ибо всякая длительная заминка в реализации ценностей вызывается отсутствием равновесия в производстве. Однако, во-первых, автор ошибается, что всякая длительная заминка в сбыте вызывается диспропорциями в производстве: она может быть вызвана и неэкономическими факторами: война, неурожай и др. Во-вторых, если в случаях экономических кризисов дело обстоит именно так и если критик думает, что это известно, то он также ошибается. Ему известно это в результате только долгой и упорной работы мысли над проблемой кризисов: известно, что очень многие теории объясняют кризис совершенно независимо от явлений производства. В таком случае это вовсе не самоочевидно и подлежит еще научному освещению, обусловлен ли кризис 1920–1921 гг. диспропорциями производства. Мы пытались доказать, что с обобщающей точки зрения это именно так. Не споря против нашего обобщения, критик, тем не менее, не доволен объяснениями. Для понимания кризиса он требует анализа причин, вызвавших нарушение самого равновесия производства. Но ведь этому вопросу о перераспределении производительных сил под влиянием войны как раз и посвящена почти вся наша книга. Очевидно, критик не заметил этого, а попросту взял нашу конечную общую формулу как таковую. Тем хуже для него.

Осинский поступает еще проще. Он не разбирает специально нашей концепции объяснения кризиса, но тем не менее безапелляционно заявляет: «Что касается проф. Кондратьева, то для него и теория Туган-Барановского не по силам. Перечислив в порядке ученого эклектизма ряд причин и чувствуя необходимость как-то их связать воедино, он благополучно причаливает к “несоответствию и диспропорциональному распределению предложения и эффективного спроса”» (стр. 202).

На фоне предыдущего изложения нашего объяснения, которое легко проверить по тексту книги, читатель может видеть всю «глубину» критики Осинского и всю ее «правдивость» в связи с указанием только на несоответствия спроса-предложения. Что можно ответить на такую критику? Осинский, в отличие от других критиков, дал «свое» объяснение кризиса, и лучшим ответом мы считаем изложение и разбор его собственных взглядов по возможности его же словами.

Осинский считает свое объяснение кризиса марксистским. Поэтому прежде чем дать объяснение кризиса 1920–1921 гг., он находит нужным «пару слов» сказать о «марксистском объяснении перио-

дических кризисов капиталистического производства» (стр. 200). Указав на вскрытую Марксом противоречивость всех категорий капиталистического хозяйства, он утверждает, что «с марксистской точки зрения имеется ровно столько же “причин” кризиса, сколько и противоречий в категориях капиталистического общества»⁹.

Однако немедленно вслед за этим критик делит все эти противоречия – причины на ранги и различает: 1) основное противоречие, которое он и объявляет «конечным, единым основанием кризисов» и которое заключается в «нищете и ограниченности потребления масс в противоположность стремлению капитализма к неограниченной экспансии в пределах разве только абсолютной потребительной емкости общества» (стр. 201–202); 2) важнейшее по удельному весу противоречие, которое лежит в сфере производства и 3) пункты, где чаще всего начинается пожар, то есть сфера товарного и денежного рынка¹⁰.

Такова общая концепция Осинского, которую он считает марксистской. На основе ее он пытается объяснить кризис 1920–1921 гг. Как же?

«Переходя к другой теме, – пишет он на стр. 212, – мы суммируем наше объяснение причин кризиса 1920–1921 г. Основная причина, она же причина войн – противоречие между развитием производительных сил мировых империй и узким базисом этого развития. Непосредственные важнейшие причины кризиса 1920–1921 г.: 1) диспропорции совокупного производства в мировом масштабе между странами, 2) диспропорция в производстве между городом и деревней в мировом и внутринациональном с соответствующим различием форм этой диспропорции, 3) диспропорция в производстве средств производства и средств потребления, или разрыв связи между ними внутри отдельных стран, 4) диспропорция между производством средств потребления и реальными доходами рабочего класса».

Таково объяснение Осинского. Как видим, кризис объясняется «основной причиной» и рядом «важнейших непосредственных причин». Остановимся на первой. В чем ее существо? Очевидно, что речь идет о том общем противоречии капитализма, на которое указал Маркс¹¹ и которое состоит в противоречии постоянной тенденции капиталистического производства к расширению с ограниченностью общественного потребления, оторванного от производства и слагающегося на основе антагонистических отношений распределения доходов, или, иначе, с ограниченно-

⁹ То обстоятельство, что Осинский понятие причины заключил в кавычки, равным счетом ничего не значит, он мог бы их и убрать, как это ясно из слов, непосредственно следующих за приведенными в тексте и обращенных к профессору Фалькнеру.

¹⁰ Заметим мимоходом, что, если «конечное, единое основание кризиса» есть основное противоречие капитализма, то, казалось бы, оно должно быть и важнейшим по удельному весу противоречием, тем более что оно и лежит в области производства. Но этого критик не замечает.

¹¹ Das Kapital. III Band Zweiter Teil 21. Erstar Teil 225–228.

стью рынка. Иначе говоря, речь идет о том основном противоречии капитализма, которое Осинский выше (на стр. 201–202 статьи), как мы видели, объявил «конечным единым основанием кризиса». Промелькнуло 10 страниц, и Осинский возвел его в роль «основной причины». Может быть, это простое переименование? Ведь было же заявлено еще раньше, что, в сущности, противоречие любой капиталистической категории является причиной кризиса. И, однако, это не так: это показатель гораздо более существенных обстоятельств.

Прежде всего у Маркса интересующее нас противоречие текстуально рассматривается именно как основание, а не причина кризиса¹². Это и понятно. Указанное противоречие капитализма является силой, действующей в нем постоянно. «В самой сущности капиталистического производства, – говорит Маркс, – лежит производство без внимания к границам рынка»¹³. Меняются условия проявления этой постоянной силы, благодаря этому меняется и форма ее обнаружения. Но очевидно, что явление, возникающее в определенный момент времени, никак нельзя объяснить действием постоянной силы. Подлинный Маркс прекрасно сознает это и, выясняя возможность перепроизводства и кризиса, определенно говорит: «Перепроизводство в особенности имеет своим условием (курсив наш. – Н. К.) всеобщий закон производства капитала производить в меру производительных сил... без внимания к существующим границам рынка»¹⁴.

Итак, указанное Осинским основное противоречие капитализма, «основная причина» кризиса рассматривается Марксом лишь в качестве общего условия перепроизводства и кризиса. И как таковое оно указывает, выражаясь языком Маркса, лишь на «абстрактную форму» и «потенциальную возможность» кризиса, но отнюдь не дает его объяснения.

Маркс знает не одно такое условие возможности кризиса. Эти условия он видит также и в некоторых других свойственных капитализму постоянных противоречиях. Он видит их в противоречии, выражающемся в раздвоении товара на товар и деньги, в противоречии, выражающемся в раздвоении функций денег как орудия обращения и платежного средства. Но он абсолютно и не думает этими общими условиями объяснять кризис. Он смеется над такими объяснениями и пишет: «Не лучше, впрочем, и те экономисты, которые пытаются объяснить кризисы из указанных простых возможностей кризиса. Эти положения, объясняя возможность кризисов, далеко еще не объясняют их действительность»¹⁵. «Общая возможность кризисов заключается в формальной метаморфозе самого капи-

¹² *Ibid.* Zweiter Tell. 21. “Der letzte Grund aller wirklichen Krisen bleibt immer die Armut und Konsumtionsbeschränkung der Massen gegenüber dem Trieb der kapitalistischen Production, die Produktivkräfte so zu entwickeln, als ob nur die absolute Konsumtionsfähigkeit der Gesellschaft ihre Grenze bilde”.

¹³ См.: *Theorien über den Mehrwert*. Zweiter Band, zweiter Teil. Stuttgart 1905. Сtp. 301.

¹⁴ *Ibid.*, p. 318.

¹⁵ *Ibid.*, p. 276.

тала, в распадении покупки и продажи в пространстве и во времени. Но это никогда не является причиной кризиса. Ибо это есть не что иное, как самая общая форма кризиса, следовательно, сам кризис в своем самом общем выражении. Но нельзя сказать, что абстрактная форма кризиса есть будто бы причина кризиса»¹⁶. И объяснить кризис так значит «объяснять кризис посредством кризиса»¹⁷. Именно в том же смысле, и совершенно последовательно, специально о противоречии капиталистического производства с границами рынка, которое Осинский возвел в основную причину кризиса и войны, Маркс писал: «Было бы простой тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления»¹⁸, ибо недостаток платежеспособного потребления и рынка есть только абстрактная возможность и форма кризиса... Так думал Маркс¹⁹. Далеко не так думает Осинский. В то время как Маркс говорит о совершенно определенных противоречиях капитализма как общих условиях кризисов, Осинский пытается сделать Марксову теорию более марксистской и говорит о всех противоречиях капитализма; в то время как Маркс рассматривает взятые им противоречия в качестве условий возможности кризиса, Осинский действует смелее и объявляет все противоречия причинами кризиса. Там, где Маркс воздерживается от суждений, Осинский, очевидно, берет на себя смелость «развить» теорию Маркса и, забыв, что он говорил на стр. 201–202 о «конечном едином основании кризиса», возводит его в ранг «основной причины».

Из предыдущего можно сделать два вывода. Во-первых, мы никак не можем считать общую концепцию Осинского марксистской: она лишь «приблизительно» напоминает Марксову концепцию. Во-вторых, основная причина кризиса, выдвигаемая Осинским, ни в какой мере кризиса 1920–1921 гг. не объясняет. Являясь постоянно присущим капитализму противоречием, она указывает лишь на возможность кризиса. Но если исследователь уже имеет перед собою кризис 1920–1921 гг. как факт, то указывать на условие возможности капиталистического кризиса вообще, когда этого никто не оспаривает, – это значит ломиться в открытые двери и делать ненужное дело. Если бы речь шла о построении общей теории кризисов и выяснении их органической возможности и необходимости при капитализме, такие общие характеристики имели бы свой полный смысл. Ссылаться же на них при объяснении конкретно данного кризиса, – значит говорить общие места²⁰ и думать, что, например, ссылка на

¹⁶ См.: Theorien über den Mehrwert. Zweiter Band, zweit Teil. Stuttgart 1905. Стр. 289.

¹⁷ *Ibid.*, стр. 276.

¹⁸ См.: Капитал. Перев. под ред. А. Богданова, т. II, стр. 381.

¹⁹ Так его понимают и теоретически наиболее образованные в данном вопросе последователи. Ср., напр.: Р. Гильферданг, *Das Finanzkapital*, 1910, глава XVI.

²⁰ Характерно, что профессор Варга, который тоже стоит на марксистской точке зрения, но занимается не общими разговорами, а действительно исследованием кризиса, вовсе не апеллирует к таким «основным причинам», к которым апеллирует Осинский.

закон тяготения сколько-нибудь объясняет, почему вчера упал камень с крыши дома, мимо которого вы проходили. «Если спрашивают о его (кризиса. – Н. К.) причине, – совершенно ясно говорит Маркс, – то как раз хотят знать, почему абстрактная форма, форма его возможности, превращается из возможности в действительность»²¹. Впрочем, сам Осинский, указав на «основную причину», сейчас же забыл о ней, перешел к «непосредственным важнейшим причинам» кризиса и, в сущности, имеет дело исключительно с ними. Обратимся и мы к указанным им (см. цитату о причинах кризиса, приведенную выше) непосредственным причинам кризиса.

Ясно, что здесь мы уже имеем указания не на постоянные и общие тенденции капитализма, а на совершенно определенные, приуроченные к определенному времени факторы. Но позвольте, какое же откровение дает в них Осинский по сравнению с тем, что было у нас?

Мы говорим о диспропорции производства в мировом масштабе, о том же говорит Осинский (см. его п. 1). Мы говорим о внутринациональных диспропорциях производства, о том же говорит и Осинский в своих пп. 2 и 3. Правда, в этих пунктах он говорит о специальных видах диспропорций производства, а именно: между городом и деревней, между средствами производства и средствами потребления. Но разве эти диспропорции не являются частным случаем диспропорций производства? Может быть, для объяснения кризиса 1920–1921 гг. действительно необходимо было указать именно на эти два специальные вида диспропорции производства? И, однако, это не так. Все, что есть верного в построении Осинского, безусловно содержится в нашем положении. Оригинальность Осинского исключительно в спецификации диспропорций производства. Но спецификация эта неверна. Действительно, наше заключение о причинах кризиса построено на базе обширного изучения фактического материала о различных отраслях промышленности и сельского хозяйства. Шаг за шагом прослеживая изменение их по важнейшим частям мирового хозяйства, мы имели возможность достаточно обстоятельно показать, какие отрасли находились в относительно гипертрофированном состоянии и какие в недостаточном. Факты показывают, что в этом отношении различные отрасли производства средств производства и средств потребления, отрасли промышленного и сельскохозяйственного производства находятся в весьма различном положении. И у нас не было никаких оснований настаивать на диспропорциональности вообще средств производства и вообще предметов потребления, вообще предметов производства города и вообще предметов производства деревни. Фактически после войны речь может идти о диспропорциональностях производства в самых раз-

²¹ См.: Theorien, стр. 289.

личных направлениях. И это вполне понятно в связи с особенностями военных и послевоенных условий. Поэтому единственное обобщение, какое можно сделать на основе действительного изучения материалов, – это то, которое нами и сделано: относительно гипертрофированными оказываются отрасли, сохранение и развитие которых предполагалось и обеспечивалось в данной стране самой войной.

Осинский не учитывает этого и дает весьма упрощенную, привносимую им совершенно *à priori*, формулировку определенных видов диспропорций производства. Очевидно, что эта формулировка, упрощая действительность, неизбежно оказывается неточной и неверной. И если Осинский дает ее, то, нам кажется, в значительной мере в силу опять-таки неверного понимания им в соответствующей части учения Маркса.

Чтобы не быть бездоказательными, рассмотрим «приключения» Осинского с диспропорциональностью в производстве средств производства и средств потребления. Мы уже видели, что говоря «пару слов» о марксистском понимании кризисов, Осинский разграничивает: 1) конечное единое основание кризисов и 2) важнейшее по удельному весу противоречие. В части, касающейся «конечного основания», Осинский пришел к неверной интерпретации теории Маркса. Не лучше, если не хуже, обстоит у него дело и с «важнейшим противоречием», в качестве которого он и выдвигает интересующую нас диспропорциональность в производстве средств производства и средств потребления (стр. 202 и 211). Перепроизводство средств производства является для Осинского «главной, непосредственно, классической» из второго тома «Капитала» причиной *нормальных* кризисов. Ее же, как мы видели, Осинский считает одной из «важнейших непосредственных причин» и кризиса 1920–21 г.

Посмотрим прежде, насколько верно понимает Осинский «классическую причину» нормального кризиса и насколько его понимание соответствует духу учения Маркса. Выдвигая перепроизводство средств производства в качестве «классической причины» нормального кризиса, Осинский ссылается, между прочим, на профессора Варга и говорит, что «т. Варга справедливо выдвигает его как главную непосредственную причину кризисов» (202). В соответствующем месте²² проф. Варга хотя и не употребляет термина «главная непосредственная причина», но, кратко излагая взгляд Маркса на причину кризиса, говорит, что «кризисы являются временным нарушением равновесия, результатом анархии капиталистической системы хозяйства, при которой не соблюдается необходимое для равновесия соотношение производства средств производства, необходимых для производственных предметов массового потребления и потребляемых исключительно капиталистами предметов роскоши». Но Осин-

²² См.: Е. Варга. «Закат капитализма». Стр. 8. Изд. «Красная Новь».

ский, очевидно, не обратил внимания на непосредственно за этим следующее заявление профессора Варга, что «марксистское деление производства на три части²³ является лишь грубым приближением», что «если, например, в области сферы первой производится необходимое количество продуктов, но вместо продуктов железодельной и сталелитейной промышленности производятся продукты текстильной промышленности или сельского хозяйства²⁴, то это опять-таки может быть исходным пунктом нарушения равновесия, вызвать кризис, хотя бы соотношение между размерами производства сфер I, II, III и соответствовало схеме. Отвечающая действительности схема, рисуемая условия равновесия, была бы до бесконечности разветвляющимся рядом. Трудности, сопряженные с установлением этого ряда, практически обнаруживаются при попытке создания единого хозяйственного плана Советской России». Так же смотрит на дело по существу и Гильфердинг²⁵. Иначе говоря, профессор Варга и Гильфердинг рассматривают схемы Маркса как метод, который позволяет уяснить, при каких условиях равновесие системы капиталистического хозяйства нарушается и наступает кризис.

Это вполне соответствует всему духу учения Маркса, соответствует и его учению о воспроизводстве и накоплении капитала. Действительно, оперируя методом схематического анализа, Маркс делит все производство первоначально на: I) производство средств производства и II) средств потребления²⁶. Но затем, чтобы глубже проникнуть в существо и условия процесса, он делит второй раздел на две новые рубрики: а) производство средств потребления рабочих и б) производство средств потребления капиталистов²⁷. Но если так, то очевидно, что схемы могут быть усложняемы и дальше, что и подчеркивают Варга и Гильфердинг. Это прекрасно вскрывает методологическую природу схем Маркса. Мы не считаем себя марксистом, но метод Маркса считаем весьма ценным и научно-плодотворным, и пользуясь в данном случае методом схем Маркса, легко показать, что нарушение и кризис общественного воспроизводства наступает отнюдь не только при исчезновении пропорционального отношения между производством средств производства и средств потребления. «Самая многосложность процесса, – говорит Маркс, – дает не менее многочисленные основания к нарушению его нормального хода»²⁸. Верно, что если в период подъема создается перепроизводство средств производства в отношении средств потребления, то оно вызовет общее перепроизводство, общие затруднения сбыта, падение нормы прибыли и кризис. Но то

²³ Средства производства (I), средства потребления рабочих (II) и средства потребления капиталистов (III).

²⁴ Курсив наш.

²⁵ См.: *Das Finanzkapital*, 1910, стр. 318.

²⁶ См.: *Капитал*. Т. II, стр. 368 и следующ. / перев. В. Базарова, И. Степанова. Изд. 1-е.

²⁷ *Ibid.*, p. 374 и сл.

²⁸ *Ibid.*, p. 467.

же самое случится в результате гипертрофии одних и притом различных отраслей, изготовляющих средства производства, в отношении других отраслей того же раздела. То же может случиться и в результате перепроизводства средств потребления, например, тканей, в отношении средств производства в виде сырья²⁹. В основе каждого кризиса мы найдем диспропорции производства средств производства. Но далеко не всегда эти диспропорции имеют характер перепроизводства вообще средств производства в отношении предметов потребления. Сплошь и рядом мы имеем дело именно с диспропорцией внутри раздела производства средств производства, конкретное содержание которого может варьировать. И как общее правило, одни диспропорции комбинируются с другими диспропорциями.

История кризисов могла бы только подтвердить сказанное. Возьмем кризис 1857 г. Он возникает через год после Крымской войны. В основе его лежит не только диспропорция средств производства, прежде всего в виде железных дорог, но и диспропорция в добыче золота, в производстве текстильных предметов потребления по сравнению с производством сырья, в производстве хлеба в связи с временным выходом России с мирового рынка, форсированным вывозом Соединенных Штатов и хорошими урожаями в Европе. Возьмем кризис 1873 г. Он возник вскоре после франко-прусской войны. Ему предшествует не только диспропорциональное развитие металлургической и металлообрабатывающей промышленности, особенно в Германии, но и небывалая гипертрофия производства и экспорта дешевого американского хлеба. Поэтому нет никакой возможности утверждать, что все так называемые «нормальные» кризисы были вызваны как главной причиной перепроизводством вообще средств производства. Наоборот, в основе каждого кризиса лежит, повторяем, как правило, не одна диспропорция производства, а их комбинация. И в каждом конкретном случае совокупность этих диспропорциональностей с идеографической точки зрения своя и потому своеобразна. В этом смысле своеобразную, обусловленную войной совокупность диспропорциональностей имеем мы и в кризисе 1920–1921 гг. Безусловно, родовым, поддающимся обобщению с номографической точки зрения в ходе бывших капиталистических кризисов остается поэтому только одно – диспропорциональность производства. Стоять или не стоять на марксистской точке зрения, но во всяком случае изложенный взгляд не противоречит духу схематического метода Маркса.

Осинский, наоборот, понимает схему Маркса догматически. Он убежден, по-видимому, что в основе каждого нормального кризиса в качестве его причины лежит именно перепроизводство вообще средств производства по сравнению со средствами потребления. Тем самым он ограничи-

²⁹ В этом отношении см. разбор кризисов текстильной промышленности у самого Маркса. «Капитал», т. III, стр. 96 и сл., пер. В. Базарова и И. Степанова.

вае силу, искажает дух учения Маркса и грешит против истории. Но еще более странно его положение, когда мы переходим к кризису 1920–1921 гг. и видим, как он «за волосы» притягивает эту же причину при объяснении данного кризиса. Профессор Варга изучал кризис 1920–1921 гг. и не решился в качестве его причины выдвинуть этот специальный вид диспропорциональности производства³⁰. Осинский, не давая фактического изучения и анализа кризиса, просто механически прилагает выводы из схем Маркса, ошибочно и догматически им понимаемых. Он даже сетует на профессора Варга, что тот не указал на значение «перепроизводства средств производства» в качестве причины кризиса 1920–1921 г. (стр. 211). Но когда заходит речь о том, проявилась ли действительно в кризис 1920–1921 г. именно эта диспропорция-причина при условии, что во время войны шло производство не столько средств производства, сколько средств разрушения, то вместо доказательств он ссылается на прямое перепроизводство только морских судов. Вообще же, об этой причине он заявляет, что «в перевернутом на голову виде эта движущая сила, несомненно, имела сильное действие» (211). В чем это перевернутое на голову действие – остается неизвестным. Нужно думать, Осинский имеет в виду здесь недопроизводство средств производства. Если да, то он ошибается и в этом: со времени окончания войны, хотя и с некоторым опозданием, по сравнению, например, с текстильной промышленностью, некоторые отрасли тяжелой индустрии, реорганизовавшись на мирный строй, как относительно более сохранившиеся во время войны, оказались в гипертрофированном состоянии.

В итоге «приключения» Осинского с перепроизводством средств производства таят в себе тройную ошибку: 1) автор ошибочно считает свои взгляды отвечающими положениям и духу учения Маркса; 2) автор ошибочно говорит о перевернутом на голову действии перепроизводства средств производства; 3) автор ошибочно выдвигает как специальную причину диспропорцию в виде перепроизводства вообще средств производства. Реально имеют место гораздо более многообразные, связанные с военными событиями диспропорции производства: и внутри раздела средств производства, и внутри раздела средств потребления, и в соотношениях между тем и другим разделами по различным отраслям, например в виде гипертрофии производства текстильных предметов потребления в отношении к производству оборотных средств текстильного производства в виде сырья.

При таких условиях выдвигать в качестве «важнейшей непосредственной причины» кризиса диспропорцию в производстве средств производства и средств потребления и затем сомневаться в прямом действии этой причины – это и значит строить априорную схему и искажать под-

³⁰ См.: Варга. Кризис широкого капиталистического хозяйства. Стр. 45 и сл.

линную перспективу на действительные несоответствия, образовавшиеся в производстве в результате войны.

Правда, Осинский знает еще (см. его п. 2) диспропорцию производства города и деревни. Однако и это, пополняя схему Осинского, не спасает ее. Если даже и принять мысль Осинского о городе и деревне в его формулировке, то диспропорция производства города и деревни вместе с диспропорцией средств производства совершенно не исчерпывают важнейших видов диспропорций производства, а потому даже и в своей комбинации дают искаженное представление о них. Но кроме того, мысль Осинского в его формулировке неверна. Как, оставаясь верными фактам, мы не можем говорить о перепроизводстве вообще средств производства, так мы не можем говорить и о перепроизводстве вообще продуктов деревни (в мировом и национальном масштабе) или города. Как в отношении отдельных отраслей производства средств производства дело обстоит различно, так же различно обстоит оно и в отношении отдельных отраслей производства деревни и города. Укажем, например, на совершенно различное положение хлебной продукции и продукции промышленного сырья, такого как лен, шерсть, хлопок. И в этом разрезе производства (город и деревня) взаимоотношение отраслей определяется не принадлежностью их к городской или сельской промышленности, а тем положением их, которое они заняли в результате влияния войны и послевоенных условий. Это и показано нами в нашей работе.

Итак, указанные Осинским специальные виды диспропорций производства, поскольку они имеют место, целиком учтены и нами. Но нами они учтены в гораздо большем соответствии с фактами и в непосредственной связи с изученными изменениями мирового хозяйства под влиянием войны.

Однако продолжим разбор причин кризиса, указанных Осинским. В своем п. 4 он указывает на диспропорцию в производстве средств потребления с реальным доходом рабочих. Мы говорим в книге о диспропорции покупательной способности и в частности покупательной способности широких масс. Кого же кроме рабочих? Прежде всего крестьянства. Отрицает ли последнее Осинский? Нет, но он относит это к своему п. 3, то есть к диспропорции производства города и деревни. Но ведь дело не в том, куда относить, и об этом не будем спорить.

Пунктом 4 Осинский кончает перечень причин. Нам непонятно, почему он не говорит о выпадении из мирового хозяйства России и других стран, о валютном хаосе и разложении мирового кредита как о причинах, обостривших диспропорции производства и покупательной способности масс. Необходимость учета этих факторов прекрасно понимает М. Bronский. Но мы забыли, что Осинский говорит только о «важнейших причинах». Не будем поэтому продолжать этот перечень причин, которые с нашей точки зрения являются лишь конкретными, идиографически кон-

статифицируемыми причинами и которые нами затем обобщаются. В итоге, однако, мы видим, что Осинский ничего нового по сравнению с нами в причинах кризиса не указал, а то, что указал, в догматическом и спорном виде. Ввиду этого позволяем себе в заключение спросить: почему же, собственно, он без всяких дальнейших объяснений просто объявил всю нашу концепцию эклектизмом и плодом теоретического бессилия? Вопрос остается открытым.

5. Посмотрим теперь, какова же природа кризиса 1920–1921 гг., является ли он особым, исключительным кризисом, и если да, то в каком смысле. Все наши критики согласны с нами в том, что это – кризис капиталистического хозяйства и что он обладает своеобразными чертами. Однако своеобразие кризиса понимается нами различно.

Мы утверждаем, что кризис 1920–1921 гг., возникший после грандиозной войны, с и д и о г р а ф и ч е с к о й точки зрения обладает целым рядом своеобразных особенностей по конкретным условиям его возникновения, по широте, глубине и общему ходу развития. Эти особенности кризиса нами признаются и достаточно подробно указаны (см. стр. 192 и сл.). В то же время мы полагаем, что с н о м о г р а ф и ч е с к о й точки зрения по проявлению отдельных элементов хозяйственной жизни, внутренней механике, их связи и по общим причинам он бесспорно подобен другим капиталистическим кризисам относительного перепроизводства и только в этом смысле укладывается в категории экономической теории кризисов (см. стр. 192, 209).

Для всей критики такой методологически двойственный подход к вопросу о природе кризиса является каким-то непреодолимым камнем преткновения, и она не удовлетворена нашим взглядом. Насколько мы можем судить, разногласие всей критики вытекает прежде всего из упорного нежелания ее считаться с тем, что идиографически мы сами настаиваем на своеобразии кризиса. Некоторым исключением из числа других критиков является опять М. Бронский. Между тем А. Кон, например, спокойно утверждает, что мы единственно на чем настаиваем, это на сходстве кризиса 1920–1921 гг. с другими кризисами (142). Это утверждение критика просто фактически неверно.

Далее, разногласие критики вытекает из ее нежелания признать равноправность идиографической и номографической точек зрения при исследовании. Это нежелание граничит порой с недостаточным осознанием, о чем собственно идет речь. Например, Осинский без всяких доказательств просто утверждает, что «тщательно перечисляемые нами» характерные черты и особенности кризиса 1920–1921 гг. как такового, то есть его широта, острота, длительность и др., являются настолько «низкими истинами», что «светлым пятном», скрашивающим их, служит нам признание подобия его другим кризисам, ибо это подобие «означает, очевидно, восстановление капитали-

стических норм вообще» (174). Приходится подивиться такой критике. У нас идет речь о переходе от идиографической точки к номографической, а у Осинского это преломляется как бегство от каких-то «низких истин» к «светлым пятнам» действительности. Для нас одинаково реальными являются как индивидуальные, так и родовые черты кризиса, для критика реальными являются, очевидно, преимущественно индивидуальные, особенные черты его. Понимать ли это так, что критика отрицает вообще номографическую точку зрения? Это означало бы отказ от всяких научных обобщений и от экономической теории в частности. Нужно думать, что сознательно критика не пошла бы так далеко. Но в таком случае речь может идти лишь о том, верно ли схвачены нами родовые признаки кризиса и имели ли мы основание даже и с номографической точки зрения сближать капиталистические кризисы с кризисом 1920–1921 гг. В ответах на эти вопросы лежит третье основание наших разногласий с критикой.

Прежде всего критика в лице Осинского утверждает, что если нормальный кризис обусловливается перепроизводством средств производства, то кризис 1920–1921 гг. в связи с условиями общей динамики капиталистического хозяйства определяется целым рядом «дополнительных факторов». Иначе говоря, особенность кризиса 1920–1921 гг. обосновывается прежде всего особенностью его причин. Но мы видели уже, какие «дополнительные факторы» вводит Осинский для объяснения кризиса, и видели также, что в них нет ничего, что бы не содержалось в нашем объяснении. И если тем не менее между нами существует разногласие во взгляде на особенности кризиса 1920–1921 гг. в связи с его причинами, то лишь потому, что Осинский, ошибочно и упрощенно поняв теорию Маркса, совершенно ошибочно и упрощенно понимает и объясняет и т. п. нормальные кризисы, что мы и видели выше.

Мы уже говорили выше, что каждый кризис возникает на основе своеобразных диспропорций и едва ли хотя один из них возникает на основе только одной и одной той же диспропорции, в особенности по мере развития мирового хозяйства³¹. Осинский просто находится под гипнозом небывалой обнаженности многообразных диспропорций, породивших кризис 1920–1921 гг. Но оттого что многообразие диспропорций менее ясно и количественно выражено слабее в прошлом, нельзя заключать, что его там нет. Итак, в плоскости причин номографически нельзя обосновать исключительный характер кризиса 1920–1921 гг.

Нельзя обосновать этого и ссылкой (М. Бронский) на мировой характер кризиса 1920–1921 гг., так как уже с 50-х годов прошлого столетия кризисы по существу приобрели этот характер.

Осинский склонен дальше видеть особую природу кризиса в том, что он охватил собой и сельское хозяйство (190). При этом он ставит в заслу-

³¹ Ср.: Варга. Закат капитализма, стр. 8–9.

гу профессору Варга, что тот отметил это явление и, наоборот, обвиняет нас в стремлении затушевать существо действительного положения дел, так как мы, по мнению критика: 1) замалчиваем распространение кризиса на хозяйство Соединенных Штатов Северной Америки и 2) в связи с этим проходим мимо сильного относительного падения американских цен на сельскохозяйственные товары, полагая якобы, что все различия в степени падения цен отдельных товаров объясняется просто тенденцией их к довоенному соотношению. Приписав нам эту позицию, для большего разоблачения Осинский приводит индексы американских цен из редактируемого нами же «Экономического Бюллетеня», которые и говорят об относительном падении цен сельскохозяйственных товаров.

Смеем уверить критика, что трудился он напрасно. Во-первых, признаемся, мы льстили себе надеждой на признание нашей заслуги и как раз именно в том, что, отступая от традиционных теорий, мы распространили исследование кризиса и на сельское хозяйство (см. стр. 163, 164–170, 189 и др.). Увы, надежды эти не оправдались: критик не хочет читать того, что есть. Во-вторых, что касается движения цен на сельскохозяйственные товары, то действительно мы констатируем в книге как общую тенденцию, что наиболее вздорожавшие товары дают и наибольшее падение цен во время кризиса. Это правило верно для Америки, а еще больше для других стран. Его констатируют различные исследователи, в частности профессор Фалькнер, на которого мы даже и ссылаемся³². Но дело в том, что эта общая тенденция совершенно не скрывает от нас особенностей падения цен отдельных товаров, в частности наиболее сильного падения цен сельскохозяйственных товаров в Америке. Мы отсылаем читателя к стр. 136–137 нашей книги. Здесь приведены как раз те самые индексы Бюро Труда по Соединенным Штатам, которые победоносно приводит и Осинский из «Экономического Бюллетеня» для разоблачения нас. И здесь черным по белому написано, что сильнее всего в Америке упали цены именно сельскохозяйственных товаров. Мы отсылаем далее читателя к стр. 141–146 работы, где приведены весьма показательные данные о сильнейшем падении цен на пшеницу и хлопок именно в Соединенных Штатах. Отсылаем, наконец, к стр. 189, где констатируется настолько сильное относительное падение цен сельскохозяйственных товаров в Америке, что покупательная сила сбора с 1 акра земли в Соед. Штатах упала от 1919 г. и 1920 г. со 111 на 67, в % к 1914 г.

Всего этого Осинский упорно не хочет видеть у нас. Именно потому он и неправ, утверждая, что мы не заметили кризиса в сельском хозяйстве. Но неправ он и в общем своем тезисе, что только кризис 1920–1921 гг. охватил сельское хозяйство. Кризисы захватывали сельское хозяйство и в прошлом. Укажем на кризисы 1847, 1857 гг. и особенно на кризис 1873 г.,

³² К сведению профессора С. А. Фалькнера.

который вылился в длительный сельскохозяйственный кризис и послужил исходным моментом для разгрома европейского зернового хозяйства.

Итак, предыдущий анализ убеждает нас в том, что критика не доказала в указанных направлениях совершенно особую номографическую природу кризиса 1920–1921 гг. и не опровергла нашего взгляда на него.

Остается последний пункт, в котором критика пытается опровергнуть наш взгляд на природу кризиса. Она упрекает нас в том, что мы не характеризуем кризис 1920–1921 гг. как кризис, приходящийся на начало периода общего упадка и заката капитализма. Допустим, что это так. От этого внутренняя механика кризиса и его причины не меняются: они остаются теми, какими были и какими описаны. В самой структуре кризиса все же нет ничего по сравнению с другими кризисами, на что бы мы могли указать как на знамение начала распада капитализма, и если закат капитализма действительно наступил, то признаки и факторы его нужно искать не в структуре и природе кризиса как такового, а в условиях, определяющих перспективы развития мирового хозяйства. К вопросу о перспективах мы и переходим.

6. Что утверждаем мы? Прежде всего мы утверждаем, что конкретный кризис 1920–1921 гг. как таковой закончился в половине 1921 г., и в 1922–1923 гг. в состоянии большинства важнейших и мелких стран благодаря имманентным силам капитализма и мероприятиям правительств наблюдается бесспорное улучшение. Последнее утверждаем не только мы. Это утверждает и профессор Варга, и Л. Д. Троцкий, и профессор Фалькнер, и (*horribile dictu!*) сам критик наш Осинский. «Мы находимся, – пишет Варга, – уже не в фазисе кризиса, как в эпоху III Конгресса, но в фазисе улучшившейся конъюнктуры»³³. «В каком положении мы все оказались бы сегодня, – пишет Троцкий, – если бы полтора года назад (на 3-м Конгрессе Коминтерна. – *Н. К.*) приняли и усыновили эту чисто механическую теорию “левых” о непрерывно обостряющемся кризисе. Сейчас ни один здравомыслящий человек не станет отрицать, что перелом конъюнктуры наступил. В Соединенных Штатах, то есть в самой могущественной капиталистической стране, мы наблюдаем явный промышленный подъем. В Англии, во Франции улучшение экономической конъюнктуры несравненно слабее, но самый факт перелома и здесь налицо»³⁴. Констатируя те же улучшения, пишет и Осинский: «В настоящее время... еще более ясно, что капитализм укрепился в том отношении, что глубокий провал 1920–1921 гг. им пока преодолен» (215). Итак, позиция относительно ликвидации кризиса 1920–1921 гг. как такового совершенно ясна: между нами разногласий нет. Неясно только одно: почему профессор Варга, Троцкий

³³ См.: Э. Варга. Закат капитализма, стр. 8.

³⁴ См.: Л. Троцкий. Новая экономическая политика России и перспективы мировой революции, стр. 44. Изд. «Московский рабочий», 1923.

и сам Осинский могут констатировать факт выхода из кризиса как такового в силу прежде всего «имманентных» сил самого капитализма, выражаясь словами Варга³⁵, а когда это делаем мы (стр. 240–241), критика начинает волноваться. Но если такие добросовестные и осторожные критики, как М. Бронский, упрекают нас лишь в оптимизме, то Осинский уже решается обвинять нас в апологии капитализма. Осинскому при чтении наших положений изменяет, по-видимому, даже логика. Действительно, на стр. 175 он цитирует нас: «Вот почему перечисленные выше факторы, тормозящие подъем, являются не более, чем факторами отдаляющими наступление подъема. Они не могут предотвратить его: сопротивление их рано или поздно будет преодолено прежде всего внутренними силами самого экономического режима»³⁶. Отсюда Осинский делает вывод, который и приписывает нам: «Итак, мы не только накануне подъема, но еще *этот подъем знаменует собой окончательное выживание капитализма*» (стр. 176, курсив наш. – Н. К.). Хорош вывод. Некоторые авторы, работы которых появились позднее наших, уже констатируют подъем, например Л. Д. Троцкий. Мы говорим в книге лишь о грядущем подъеме. А Осинский делает вывод, что мы утверждаем «окончательное выживание капитализма». Хорош вывод, но хорош и критик.

Однако предыдущее касается лишь ближайших перспектив мирового хозяйства. Как обстоит дело с перспективами более отдаленными?

Осинский различает кризис мирового хозяйства в широком смысле слова и кризис 1920–1921 г. как конкретный кризис в узком смысле слова (207). Первый кризис – это грандиозный, «комбинированный хозяйственно-социально-политический кризис капиталистического строя в целом, в котором он должен погибнуть. Первый приступ этого кризиса совершился в 1917–1918 г., начавшись в России» (201). Отсюда общая перспектива рисуется ему как нисходящая линия заката капитализма, как процесс болезненного рождения нового общества. «Кризис 1920–1921 гг. капитализм пережить мог, но второй или третий приступ такого потрясения может вновь перейти в комбинированный кризис, во второй апоплексический удар, который чаще всего кончается смертью»³⁷ (217). «Эта концепция Осинского является простым переложением построений Варга и Троцкого, правда, с недостатками и смешениями, которых нет у последних. Совершенно очевидно, что в изложенной концепции имеются два тезиса: 1) тезис первый, который характеризует необратимый процесс развития капитализма и гласит: капитализм вступил в полосу упадка, которая кончится его смертью и 2) второй тезис, который характеризует обратимые

³⁵ См. его «Кризис мирового капитализма», стр. 81 и сл.

³⁶ См. стр. 240 нашей книги. Курсив Осинского.

³⁷ Курсив наш.

процессы конъюнктур и гласит: до момента окончательного крушения капитализма при общей падающей кривой возможны циклические колебания конъюнктур («второй или третий приступ» по Осинскому).

Это прекрасно понимает Варга. Он различает³⁸: 1) отдельные фазисы кризиса: острые кризисы в период подъема; 2) период кризиса или период общего упадка капитализма; 3) отдельные фазисы кризиса: острые кризисы в период кризиса.

Отсюда, характеризуя современное положение, Варга и заявляет, что хотя мы сейчас и находимся не в фазисе кризиса, а в фазисе улучшающихся конъюнктур, но это улучшение конъюнктур проходит в периоде кризиса капитализма.

Выявив существо концепций критика о перспективах мирового хозяйства в широком смысле, сформулируем теперь наше построение, данное в книге.

Прежде всего мы не занимаемся изучением необратимого процесса развития капитализма как таковым и потому совершенно ничего не говорим о перспективах этого необратимого процесса. Капитализм, как исторический обусловленный режим, может погибнуть. Но когда погибнет он? «Как близок этот час?»³⁹ “*Ignoramus*”, – должны мы сказать совершенно откровенно словами Дю-Буа-Реймонта и повторить слова Троцкого: «...мы этого не предсказываем»⁴⁰. Теоретически этот вопрос представляется для нас не только не решенным, но и едва ли допускающим научно-категорическое решение. Если в обратимых процессах мы обладаем пока весьма малой способностью предвидения, то в процессах необратимых мы обладаем ею еще в меньшей степени. Все, что мы можем здесь сказать о будущем, это лишь самые общие положения о направлении тех или иных частных тенденций без локализации их в определенных рамках времени. Однако это не мешает, конечно, верить в близость определенных перспектив необратимого процесса и действовать по направлению к ним. Но было бы ошибкой категорию знания бессознательно заменять категорией веры.

Все, чем мы занимаемся как прямым предметом исследования, это обратимые процессы динамики конъюнктур. Мы различаем в этой динамике малые циклы в 7–10 лет и большие циклы в 40–50 лет, которые мы и прослеживаем кратко с самого конца XVIII века.

О перспективах малого цикла говорилось достаточно выше. В конце книги мы касаемся перспектив в масштабах большого цикла. Но в каком смысле? Мы констатируем эмпирическую закономерность смены не только малых, но и больших циклов конъюнктур капиталистического хозяйства. Учитывая далее сочетание факторов конъюнктур, в силу чего подь-

³⁸ См.: Э. Варга. Закат капитализма, стр. 7.

³⁹ Л. Троцкий.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 44.

емы малых циклов будут относительно слабы, а кризиса – остры. Однако мы рассматриваем этот большой цикл капиталистических конъюнктур только как вероятный (255). Мы рассматриваем его только как вероятный именно потому прежде всего, что мы не знаем возможного хода необратимого социально-экономического процесса. Этот цикл, как и цикл малый, реализуется, по нашему мнению, лишь *caeteris paribus*, то есть при прочих равных условиях (254). Иначе говоря, наше суждение носит не категорический, а условный характер: если сохранятся в общем прежние условия, то есть если сохранится прежде всего сам капитализм, то вероятный ход ближайшего большого цикла будет такой-то. Ну а если *caeteris paribus* не будет, если капитализм рухнет? Очевидно, что тогда указанный вероятный понижательный ход большого цикла, как и самый цикл, не реализуется, или не реализуется полностью; тогда кризис 1920–1921 гг. действительно окажется хронологически началом заката капитализма. Но, во-первых, мы этого не знаем, а во-вторых, от этого нисколько не делается менее верной теория циклов конъюнктур. Не забудем, что все научные законы и закономерности по существу имеют условную формулировку. Правильность того или иного закона поэтому нельзя ставить в зависимость от постоянства его фактического обнаружения. Закон будет не только верен, но и будет обнаруживаться, если налицо будут условия, которые им предполагаются. Но будут ли эти условия, об этом закон не говорит ничего. Капитализм может рухнуть. Законы капиталистического общества, действующие, по выражению Маркса, с «железной необходимостью», перестанут проявляться. Но от этого они не станут неверными по отношению к условиям капиталистического общества. От того, что капитализм рухнет, «Капитал» Маркса не потеряет теоретической ценности, которую он имеет: потеряет силу лишь капитализм как общественно-политический строй.

Сказанным наша позиция и позиция критика достаточно выяснены: они в значительной мере лежат в разной плоскости построения. Какое же употребление делает Осинский из разницы этих позиций и в каком направлении ведет критику? Осинский знает одно и только одно: он во что бы то ни стало хочет найти в наших построениях защиту и утверждение капитализма. Он не верит тому, что написано. Осинский прежде всего издевается над нашими соображениями о больших циклах и видит смысл их в том, «чтобы кризисы так же, как капитал, прибыль, рента из исторических категорий сделать “логическими”, чтобы разыскать капиталистические кризисы еще и при царе Горохе..., а из сего сделать вывод: так было, так будет» (176), и тем самым перестраховать себя на случай, если «что-нибудь не сойдется по части» подъема после кризиса 1920–1921 гг., то есть получить возможность в случае необходимости сослаться на понижательную волну большого цикла. «Как видите, –

торжественно восклицает критик, – наш профессор подкован на все четыре ноги».

Что можно возразить критике? Мы затрудняемся. Но не потому, что нечего ответить... К началу XIX в. отошли уже в историю физиократы со знаменитой экономической таблицей Кене, в 1776 г. Адам Смит дал свое «Богатство народов», а Осинский думает, что тогда жил царь Горох. К концу XVIII в. в полном ходу была промышленно-капиталистическая революция, с начала XIX в. мы располагаем богатейшим материалом по истории кризисов, а Осинский сомневается, существовали ли тогда капитал, прибыль и рента.

Против теории больших циклов наивно возражать ссылками на царя Гороха и недостойно отрицать ее на основе простых подозрений в каких-то скрытых целях автора, лежащих совершенно за пределами знания. Подозревать в этом других без всякого на то основания не значит ли питать к ним собственную душевную слабость? Тем более что в теории больших циклов, хотя бы и не в их объяснении, мы далеко не одиноки. Укажем на работы Лескюра, Афталиона... Впрочем, для Осинского, насколько нам известно, это неубедительно. Тогда сошлемся на Троцкого⁴¹, Панекука⁴², Каутского⁴³. Укажем еще из русских авторов на В. Е. Мотылева, который, по-видимому, целиком принимает наши построения⁴⁴.

Итак, *caeteris paribus*, при условии сохранения капитализма, мы считаем вероятным, что после кризиса 1920–1921 гг. капитализм вступил в полосу понижающихся конъюнктур большого цикла. Но, выставляя это положение, чем гарантированы мы, что капитализм, даже сохраняясь, «не переживает существенного перерождения, благодаря которому теория динамики и конъюктур, построенная до войны, оказалась бы устарелой в самых своих основах» (Осинский, 171). Читатель помнит, что выше, говоря об общей постановке вопроса, Осинский уже обращался к нам с упреком в предвзятых идеях, между прочим, и на основе этого указания. Там это обращение было совершенно некстати. Здесь указанный вопрос может быть поставлен нам с большим основанием.

Однако совершенно ясно, что одно из двух: или мы допускаем, что капитализм то или иное время сохраняется, или что капитализм умер. Если мы допускаем первое, то должны вместе с тем принять, что сохраняются и основные черты, которые и характеризуют капитализм. Но тогда будут иметь место и основные черты динамики капиталистических конъюнктур. Речь может идти, впредь до крушения капитализма, будь оно

⁴¹ Троцкий. *Op. cit.*, стр. 43.

⁴² Панекук. Теоретич. заметки о причинах кризисов / Основные проблемы политической экономии.

⁴³ Каутский. Золото, деньги и дороговизна. Изд. «Книга».

⁴⁴ Мотылев В. Е. Законы тенденции нормы процента к понижению / Вестник Социалистической Академии. № 3.

близко или далеко, очевидно, об изменениях не основных и характерных для него черт, а лишь его производных признаков: иначе это был бы уже не капитализм. Что же касается изменения производных черт капитализма, то такое изменение имело место и в прошлом, например в виде смен и фазах капитализма XIX и начала XX в. Однако это изменение фаз не дает оснований изменять основные положения теории капитализма и динамики его конъюнктур. Это прекрасно понимает Троцкий, когда он, указывая, что «мы ни на минуту не должны забывать, что улучшение конъюнктуры развертывается на основе мирового и особенно европейского капиталистического распада», в то же время говорит: «Причины этого распада не задеваются конъюнктурными изменениями рынка. Но с другой стороны и распад не устраняет конъюнктурных изменений»⁴⁵. Это понимает и профессор Варга, когда признает фазисы кризисов и подъемов в период кризиса капитализма⁴⁶. Да, в сущности, признает это и Осинский, когда он утверждает, что капитализм преодолел кризис 1920–1921 гг., и что лишь «второй или третий приступ такого потрясения может вновь перейти в комбинированный кризис, во второй апоплексический удар, который чаще всего кончается смертью» (217). Очевидно, что и по Осинскому, до наступления второго «апоплексического удара» капитализм, а следовательно, и его основные черты будут иметь место, будет иметь место и движение его конъюнктуры. Сам по себе капитализм не прекратит своего существования. «Без длительной, ожесточенной, обильной жертвами борьбы пролетариата, – говорит профессор Варга, – капитализм никогда не рухнет»⁴⁷.

Таковы наши выводы о перспективах. Они очень условны и, конечно, не удовлетворят тех, кто жаждет социального пророчества. Но мы и не стремимся дать такое удовлетворение. Мы недоумеваем также, в чем усмотрела критика (М. Бронский, Осинский) особый оптимизм наших выводов о перспективах. Чтобы быть оптимистом или пессимистом в научной работе, необходимо защищать в ней определенную социально-экономическую практическую идею. Этого нет в нашей книге, которая стоит на почве теоретической, и потому наши выводы совершенно индифферентны к пессимизму или оптимизму.

7. На этом мы закончим разбор вопроса о кризисе мирового хозяйства и его перспективах. Но так как один из критиков – Осинский – в своей обширной статье не ограничился критикой нашей общей концепции понимания кризиса, а высказал целый ряд частных методологических и фактических замечаний о нашем понимании конъюнктур мирового хозяйства, то представляется необходимым остановиться хотя бы только на важнейших из них.

⁴⁵ Троцкий. *Op. cit.*, стр. 44.

⁴⁶ См.: Варга. *Закат капитализма*, стр. 7–8.

⁴⁷ Там же, стр. 5.

В этой части замечаний Осинский так же суров, как и в разобранной выше, и с величайшим усердием стремится доказать нашу приверженность к пристрастной апологетике капитализма. Осинский придирается к каждой нашей строчке, почти что к каждому знаку препинания. Посмотрим, насколько он основателен.

Прежде всего он старается доказать наше преднамеренное противоречие. После длительного фактического анализа хода конъюнктур во время войны, после фактических указаний, какие отрасли хозяйства и в каких странах подверглись упадку или расширению, на стр. 70 мы, обобщая изложенное, между прочим говорим, что в результате войны «во всяком случае нет оснований говорить о мировом хозяйственном оскудении в собственном смысле слова. Оскудение чувствуется и наблюдается лишь в тех странах, которые зависели в сильной степени от импорта». Всякий, кто читал бы книгу без предвзятой цели, мог бы легко понять из контекста и приведенных там данных, в каком смысле мы отрицаем «мировое оскудение в собственном смысле». Мы говорим этим только то, что по состоянию важнейших отраслей хозяйства к концу войны, при условии удовлетворительного функционирования распределительного аппарата мировой торговли, на мировом рынке мы имели бы не подлинный голод *in nature*, а лишь напряженное состояние (см. стр. 30–48).

Во второй главе мы переходим к фактическому анализу хода конъюнктур после войны до кризиса 1920 г. и отмечаем, что первый послевоенный 1919-й год является годом максимального упадка продукции, но что уже с середины 1919-го начинается подъем производства, который продолжается и в первую половину 1920 г. (см. резюме об этом послевоенном периоде на стр. 95). Далее, на стр. 129, мы сопоставляем в общих чертах два изученные периода и говорим: «Основной чертой первого периода является мировой подъем ценностных показателей конъюнктур и лишь частичный подъем натуралистических показателей их, преимущественно в заокеанских странах. В большинстве же стран старой капиталистической культуры наблюдается упадок народного хозяйства *in nature*. Поэтому первый период проходит в общем и целом под знаком обнищания мира». После войны в 1919 г. упадок продолжается. Но с этого момента мировое хозяйство вступает в полосу подъема. Вот почему этот период проходит под знаком увеличения материального благополучия. Позвольте, заявляет Осинский (174), вы говорите здесь об обнищании за время войны. Как же пятьюдесятью страницами раньше вы говорили, что в течение военного периода нет оснований говорить об оскудении? Явное противоречие. Вы пользуетесь тем, что читатель загипнотизирован подъемом 1919–1920 г. и теперь находите возможность открыть ему правду о военном периоде, которую скрыли ранее? Осинский так рад открытию нашего противоречия, что даже путает страницы нашей книги и ссылается на стр. 75 вместо 70.

Да, противоречие, но только в воображении... Если в военный период кривая продукции в общем имеет понижающую тенденцию, а в 1919–1920 гг. – повышающую, то ясно, что динамический процесс первого периода по сравнению с процессом второго идет под знаком обнищания. Но процесс сравнительного обнищания может дойти, а может и не дойти до предела оскудения и голода. Для пояснения мысли сошлемся в качестве простой аналогии на теорию Маркса об относительном обнищании масс. Относительное обнищание масс вовсе не означает их абсолютное оскудение и голод. И когда на стр. 70 мы рассматриваем военный период сам по себе без сравнения с другими, мы и говорим только одно, что оскудения и голода в собственном смысле здесь нет.

Осинский далее оспаривает, что от 1919 к 1920 г. в мировом хозяйстве наблюдается подъем продукции. По его мнению, «никакого подъема в 1920 г. не было. Было преходящее улучшение по сравнению с годом (1919), когда заколебались самые основы капитализма» (184). Свой вывод он получает так: приводит большую таблицу ежегодного с 1913 по 1921 г. производства угля, нефти, стали и потребления хлопка. Затем весьма усердно указывает читателю, что максимум производства приходится по отдельным отраслям то на 1915, то на 1916, то на 1917 г., но отнюдь не на 1920 г. «Вот как надо формулировать положение вещей, – солидно заявляет Осинский, – если не хочешь говорить языком апологета капиталистического порядка» (184–185).

Мы не спорим против указанных им годов максимума и сами отмечаем их в работе. И все-таки выводы Осинского неверны.

Оставим то, что было до и во время войны. Посмотрим, что было в 1919–1920 гг. Ведь, надеюсь, мы можем заинтересоваться этим? Возьмем цифры мирового производства у самого Осинского.

Годы	Камен. уголь	Нефть	Чугун	Сталь	Потребле- ние хлопка млн. квин- талов
	В миллионах метрич. тонн				
1919	1.150	80	486	534	33,0
1920	1.300	90	558	631	32,5
1920, в % к 1919 г.	113	112	115	118	98

По всем отраслям тяжелой индустрии мы имеем совершенно бесспорный и значительный подъем. Во всяком случае, мы не умеем иначе квалифицировать явления, если величины продукции 1920 г. больше, чем 1919 г., на 12–18 %. Исключение как будто дает хлопок. Но для уяснения этого исключения надо иметь в виду, что сейчас же после войны потребление хлопка резко упало. Поэтому минимум потребления его приходится не на 1919, а на 1918 г. Следующий 1919 год дает уже значительное возрастание. По данным, приводимым самим же Осинским, потребление

хлопка составляло в миллионах квинталов в 1917 г. – 33,5, в 1918 – 28,5, в 1919 г. – 33,0. Иначе говоря, расширение потребления хлопка начинается уже с 1919 г., то есть ранее, чем расширение продукции тяжелой индустрии. Но и кризис текстильной промышленности начался значительно ранее, чем тяжелой, уже с первой половины 1920 г. Следовательно, и хлопчатобумажная промышленность, постепенно деградировавшая с 1915 г. и резко упавшая в 1918 г., пережила подъем, который начинается в ней с 1919 г. и кончается в самом начале 1920 г. Однако Осинскому не угодно признавать, что от 1919 к 1920 г. в большинстве отраслей наблюдается подъем. Он называет этот подъем «преходящим улучшением». Если угодно, подъем можно назвать и улучшением. Но от этого ничего не изменится по существу. Улучшение было преходящим, настаивает Осинский. В каком смысле? В том, что уже в 1920 г. начинается кризис? Но против кого этим возражает критик? У нас целая глава посвящена разбору развития кризиса с 1920 г. Как видим, критика Осинского пока не смертельна. Пойдем дальше.

При изучении конъюнктур мирового хозяйства мы разбили изучаемый период на части: 1) время войны; 2) после войны до кризиса⁴⁸; 3) кризис и 4) современное состояние конъюктур. Причем изучение ведется нами преимущественно по средним годовым, а иногда, как период с начала кризиса, даже по средним месячным данным. Осинский заявляет ни больше ни меньше, что «такой прием очень удобен для апологетических целей». Следовательно, и тут мы тенденциозны. Если по существу то же самое делает профессор Варга, то Осинский молчит. Но нам он делать это категорически не позволяет. По каким мотивам?

Во-первых, потому, что при таком разрыве нельзя сопоставлять минимум и максимум производства до войны, во время войны и после войны. Во-вторых, потому, что таким образом исключается возможность сравнить продукцию с хозяйства, например, за пятилетие в среднем до войны и за три-четыре года в среднем после войны (177). Поэтому Осинский, очевидно, требует «сквозных» таблиц за все изучаемое время по промышленному производству и оперирования средними величинами при изучении сельского хозяйства, где имеется сильно колеблющийся элемент в виде урожая.

На эти методологические упреки мы ответим. Во-первых, мы писали не справочник, а исследование. И если Осинскому угодно иметь те или иные специальные справки о максимуме и минимуме производства, то ему лучше обратиться к специальным же ежегодникам и справочникам. Во-вторых, те данные, которые, в частности, он хотел бы в данном случае иметь для сопоставления максимума и минимума промышленной продукции, а также некоторые иные, поскольку они входили в круг нашего изучения, он может найти и у нас, путем сопоставления таблиц в отдельных

⁴⁸ Насколько это деление можно было осуществить, см. указание на стр. 125 нашей книги.

частях книги. Мы стремились, насколько позволял скудный и разнородный материал того времени, дать в отдельных частях книги по возможности сравнимые таблицы. В-третьих, откуда Осинский взял, что мы игнорируем метод средних, где он действительно необходим? Ему должно быть прекрасно известно, что, когда мы хотим определить тенденции урожайности вне зависимости от естественных условий, мы пользуемся, как и нужно, методом средних за пятилетие (см. стр. 22 и сл.); когда мы хотим определить перераспределение мировой хлебной продукции за время войны, мы пользуемся методом средних пятилетних (стр. 31). В-четвертых, и это самое главное, применение того или другого метода зависит от предмета и задач исследования. Применяя метод средних, где он необходим, не следует злоупотреблять им и употреблять его там, где он не вскрывает, а закрывает картину. Мы исследуем ход кривых конъюнктуры. Совершенно ясно, что в таком случае для нас интересны не средние величины за время войны или за годы после нее. Для нас интересно обнаружить как раз именно моменты перелома и направление этого перелома кривых. И если мы берем промышленную и сельскохозяйственную продукцию в среднем, скажем, за 1909–1913, 1914–1918 и 1919–1921 гг., то мы скрываем моменты перелома, в частности, мы совершенно теряем возможность обнаружить начало кризиса 1920 г. и его влияние. Утверждать и отстаивать обязательное применение средних во всех случаях – значит, попросту не понимать статистического метода в его применении к различным задачам. Настаивать на применении средних к исследованию конъюнктур, где идет стремление разложить даже годовые данные на месячные, недельные, а в некоторых случаях и еще более дробные, просто смешно. Впрочем, в отношении промышленности и сам Осинский берет ежегодные данные. Но вот в области полеводства, где урожай так изменчив, там необходимы средние? Урожай изменчив – это верно. Но всякий данный урожай есть факт, и он является фактором конъюнктуры именно как таковой в каждый данный год. Иначе говоря, для исследования кривой конъюнктуры первостепенное значение имеет конкретное ежегодное движение кривой не только промышленной, но и сельхозпродукции, а отнюдь не движение средних за пятилетия или иные периоды.

Осинский совершенно не учитывает этого. На основании данных Римского Сельско-хозяйственного института он строит таблицу хлебной продукции по всем странам без России и выделившихся из нее территорий, в среднем за 1909–1913, 1914–1918 и 1919–1921 гг. Но таким образом он именно и лишает возможности проследить непрерывно движение кривой сельскохозяйственных конъюнктур. Своей таблицей Осинский освещает не ход конъюнктур, а отвечает на совершенно иной вопрос о средней сельскохозяйственной продукции и о среднем обеспечении хлебом перед войной, во время войны и после нее. Не спорим, этот вопрос имеет свое большое и самостоятельное значение. Имеет он значение и для уяснения хода конъюнктур, хотя и не вскрывает непрерывной линии их в

сельском хозяйстве. Но в той мере, в какой вопрос о среднем размере сельхозпродукции имеет значение, он освещен и у нас, насколько позволили сделать материалы. На стр. 28 и сл. мы даем сопоставление мировой хлебной продукции перед войной в 1913 г. и в конце ее в 1918 г. На стр. 83 и сл. мы даем сопоставление мировой хлебной продукции перед войной (1909–1913) и после нее в 1920 г. Правда, мы пользуемся, как правило, не средними, а сопоставляем лишь начальный и конечный моменты периодов. Но в какой мере это приводит нас к апологетическим выводам по сравнению с выводами Осинского?

За время войны 1914–1918 гг. мировой сбор 5-ти главнейших хлебов (без России), по Осинскому, составлял 97,3 % довоенного. По нашим данным, в конце войны, в 1918 г., он составлял 95 %. По данным Осинского, он составлял в 1919–1921 гг. – 98,6 %. По нашим данным, в 1920 г. он составлял 99,2 %. Разница во втором случае всего 0,6 %. Всякий человек, знающий статистический метод, знающий границы его точности, особенно в мировом масштабе, скажет, что у Осинского не было «добросовестной» почвы обвинять других в апологетике, тем более что военный период рисуется им даже более радужно, чем нами. Он упрекает нас, что мы не учитывали продукцию России. Но ведь это мы делаем не втемную, а по определенным мотивам (9), совершенно открыто и каждый раз с оговоркой (см. стр. 30, 83). Однако вопрос не в этом, а в том, делаем ли мы ложные «апологетические» выводы, пользуясь иным методом и исключая Россию. Утверждаем ли мы по вопросу о снабжении хлебом, что мир разбогател им? Анализируя хлебную продукцию после войны в 1920 г., мы пишем, что у нас нет оснований утверждать, что человечество снабжено хлебом теперь лучше или даже в такой же мере, что и до войны» (84). Отсюда читатель видит, как мы освещаем вопрос о снабжении мира хлебом, видит и удельный вес и значение всех усилий критики Осинского, ломящегося в открытые двери. Тем не менее по вопросу о движении непрерывной ежегодной кривой продукции сельского хозяйства, а не по вопросу о средней снабженности мира хлебом, мы утверждали и утверждаем, что, достигнув минимального уровня в 1919 г., эта кривая обнаруживает в Европе определенную и сильную тенденцию подъема. Но так как в заокеанских странах, если судить по посевам, она с этого года остается почти стационарной и даже несколько понижается, то в целом она обнаруживает повышение, менее выраженное, чем в Европе. Осинский не опроверг этого нашего утверждения и не мог опровергнуть своим методом как по характеру метода средних, так и потому, что против фактов бессильна даже и самая «отважная» критика.

Свое утверждение мы можем подтвердить теперь уже на основании гораздо более исчерпывающих данных, чем когда писали книгу, на основании того же *Annuaire Intern de Statistique agricole* за 1909–1921 гг., которым пользуется и Осинский, а также бюллетеней Римского сельскохозяйственного института за 1922–1923 гг. Вот эти данные:

Посев. площ. 5-ти глав. хлебов			Сбор 5-ти глав. хлебов			
(в % к 1913 г.)						
Годы	Европ. страны ⁴⁹	Заокеан. страны ⁵⁰	Все страны	Европ. страны	Заокеан. страны	Все страны
1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1918	91,0	111,2	102,8	57,0	110,2	84,6
1919	79,9	110,1	99,0	52,4	110,4	82,6
1920	90,2	107,3	100,9	59,2	121,3 ⁵¹	91,5
1921	91,9	109,8	103,2	64,0	110,3	88,2

Аналогичны соображения Осинского и о состоянии скотоводства. Ничего нового по существу и по сравнению с тем, что есть у нас (см. стр. 78 и 79), он не дает. То же нужно сказать о движении посевных площадей Германии. На стр. 80 мы приводим данные, из которых видно, что посевы 4-х зерновых хлебов в Германии в 1920 г. против 1919 г. расширились на 3,3 %, а посевы картофеля – на 12,7 %. Мы называем при этом авторитетный источник, которым пользуемся. Осинский о посевах картофеля молчит. Что же касается посевов зерновых, то, не называя источника, приводит несколько иные данные. Однако и из этих данных видно, что посевы в 1920 г. увеличились на 2,6 %, то есть расхождение с нами всего на 0,7 %. Мы можем считать поэтому, что Осинский только подтвердил наше положение об улучшении полеводства Германии в 1920 г. Из его данных видно даже, что посевы зерновых увеличились несколько в 1921 г. и лишь в 1922 г. вновь сократились. Осинского не удовлетворяет незначительность увеличения посевов в 1920 и 1921 гг., а упадок 1922 г. укрепляет в мысли, что улучшения вообще нет. Но ведь и мы не говорим, что улучшение 1920 г. значительно. Мы лишь констатируем факт, что с 1919 г. падение сменялось увеличением и следовательно в 1920 г. наступило улучшение. Не ухудшение же? Что же касается сокращения посевов в 1922 г., то оно ни в коей мере не подрывает нашего вывода о 1920 г. В 1920 г. для германского хозяйства были одни условия, в 1922 г. другие, и, говоря о 1920 г., мы вовсе не утверждаем, что улучшение будет непрерывно. О 1922 г. мы вообще ничего не могли говорить, так как о нем весной 1922 г., когда заканчивалась книга, у нас не могло быть данных. Поэтому не будем останавливаться на этих вопросах.

Из других частных замечаний Осинского остановимся еще на вопросе о росте эмиссии ценных бумаг и акционерного капитала в Германии. Отмечая экономический подъем от 1919 к 1920 г., мы указываем, что он наблюдался даже и в Германии. В доказательство этого наряду с другими данными мы приводим также данные об эмиссии ценных бумаг, росте ак-

⁴⁹ Без России, отпавших от нее территорий, Греции и Турции.

⁵⁰ По всем важнейшим странам, по которым имеются сравнимые данные.

⁵¹ Резкий подъем сбора в 1920 г. обусловлен хорошим урожаем овса, ячменя и кукурузы.

ционерных обществ и их капитала. Так как мы приводим данные в бумажных марках, то Осинский обвиняет нас в том, что «мы, очевидно, считаем читателя идиотом, неспособным произвести перерасчет по курсу доллара» (189) – бумажные марки в золотые, – и вводим его в заблуждение. Но что касается эмиссии ценных бумаг, то, во-первых, в тексте мы указываем, что характеризуемый нашими таблицами рост эмиссии носит номинальный характер (122). Во-вторых, напрасно критик думает, что перерасчет по курсу изменит картину по существу. Действительно, приведем этот перерасчет, проделанный Осинским; а так как в 1920 г. он ошибочно берет курс марки в 1.56 вместо 1.74 центов за 100 марок, то рядом приведем и исправленный пересчет. Так как далее курс марки резко колеблется в зависимости от внеэкономических условий, а потому правильнее перевод делать по индексу цен, то приведем и этот перевод. Эмиссия составляла:

Годы	В мил. бум. мар.	В мил. зол. мар. по Осинскому	То же (исправл.)	В мил. зол. мар. по индексу тов. цен
	По курсу доллара			
1913	635	635	635	635
1918	1043	731	731	387
1919	1654	346	346	403
1920	7520	494	550	509

Отсюда видно, что перевод на золотые марки уменьшает цифры. Однако и при переводе эмиссия ценных бумаг, достигнув минимума в 1919 г., дает значительный подъем в 1920 г. Но ведь только это мы и хотели доказать. При переводе по индексу товарных цен она несколько возросла уже в 1919 г., особенно же в 1920 г.

Что касается теперь акционерных капиталов, то Осинский без всяких разговоров переводит номинальный акционерный капитал по курсу доллара на золото и, конечно, получает непрерывно понижающий ряд:

	1918	1919	1920
Акцион. капит. в миллиард. бум. марок	18,9	19,7	21,0
Акцион. капит. в миллиард. зол. марок ⁵²	18,2	4,1	1,4 ⁵³

Получив такой результат, он смеется над нашими выводами о подъеме от 1919 и 1920 гг. «даже в Германии». Однако смеется он рано: в основе его пересчетов лежат грубейшие ошибки.

⁵² Заметив, что наши данные, приведенные в бумажных марках в книге, относятся, собственно, к началу каждого года (см.: *Vierteljahrshäfte zur Statistik des Deutschen Reich*, разл. выпуски). Между тем Осинский просто переводит приведенные данные по среднему курсу каждого года, чем, конечно, несколько преуменьшает итог.

⁵³ Правильная цифра – 1,5.

Пересчет акционерного капитала не такая простая операция, как думает критик. При резко обесценивающейся валюте, что отражается как на росте товарных цен, так и на курсе акций, к определению, хотя бы приблизительно, акционерного капитала следует подходить так. Необходимо различать, хотим ли мы определить в золотой валюте: 1) размеры всего инвестированного реального акционерного капитала, завязанного в зданиях, машинах и др. имуществе, или 2) его рыночную ценность, то есть рыночную ценность всех акций, которая в сильнейшей степени зависит от доходности предприятий. Размеры всего инвестированного реального капитала будут равны ценности капитала перед войной плюс рост капитала за время существования бумажной валюты в переводе приросшего капитала за время существования бумажной валюты в переводе приросшего капитала на золото по индексу цен⁵⁴ или по курсу доллара каждого данного года. Размеры же рыночной ценности акционерного капитала, представленного всей суммой акций, будет равны предвоенной сумме ее, умноженной на средний курс акций плюс прирост капитала в бумажных акциях за истекшее время существования бумажной валюты, деленный на индекс или курс доллара данного года.

Так и поступают компетентные органы, например, *Wirtschaft und Statistik* (см. 1923 г., № 7, стр. 220–221). Результат, приводимый журналом, получается следующий (в миллиардах):

Годы к концу	Номинал. капитал	Рыночная ценность всех акций		Инвестирован. капитал в зол. марк. по индексу
		В бумаж. марках	В золот. мар. по индексу	
1918	19,7	29,8	12,1	33,3
1919	20,3	42,2	5,3	33,8
1920	29,0	108,2	7,5	34,4
1921	49,4	344,3	9,9	35,8
1922	104,1	724,3	4,9	36,5

Отсюда видно, что картина получается существенно другая, чем у Осинского. Рыночная ценность капитала, достигнув минимума в 1919 г., затем в 1920 и даже 1921 г. действительно поднимается по сравнению с 1913 г., хотя бы подъем этот и не достигал уровня более раннего времени. Важно и характерно то, что падение в 1920 г. приостановилось и сменилось обратной тенденцией. Иначе говоря, приведенные данные подтверждают нашу мысль, а не мысль Осинского, по которому акционерный капитал Германии реально чуть что не исчез уже в 1920 г. В 1922 г. акционерный капитал падает. Но с 1920 г. народное хозяйство Германии под-

⁵⁴ Перевод по индексу цен принципиально нужно предпочесть в силу указанных выше в тексте соображений.

вергалось сильнейшим внешним воздействиям разлагающего характера. И говоря в книге о 1920 г., мы вовсе не распространяли своих выводов на последующие годы. Что касается общей суммы инвестированного реального капитала, то она повышается неуклонно, хотя и медленно.

Сказанное об эмиссии ценных бумаг и акционерном капитале дает нам основание утверждать, что, хотя данные и приведены нами в книге в бумажной валюте, тем не менее они в совокупности с другими показателями общую тенденцию конъюнктур 1920 г. намечают верно.

8. В заключение статьи считаем необходимым ответить еще на некоторые «особые» упреки, выдвинутые против нас профессором С. А. Фалькнером и с величайшей готовностью поддержанные Осинским.

Профессор Фалькнер упрекает нас прежде всего в том, что мы неоднократно ссылаясь на его работы при извлечении из них разного рода фактических данных и цифровых материалов, очевидно, по рассеянности забываем упомянуть, что ряд защищаемых нами «принципиальных» положений (разграничение фаз послевоенной конъюнктуры, принципиальная характеристика их, констатирование совершившегося в середине 1921 г. перелома в развитии мирового кризиса, перспективы дальнейшего подъема конъюнктур и др.) «являются простым повторением выдвинутых нами задолго до того тезисов»⁵⁵.

Мы далеки от мысли преуменьшать значение работ профессора С. А. Фалькнера как объективно, так и субъективно для нас. Об этом мы говорим в предисловии (стр. 4). Об этом мы говорим на стр. 200, называя его работы «весьма интересными и много способствовавшими освещению мировых послевоенных конъюнктур». Кроме того, профессор Фалькнер принадлежит к числу авторов, на которых мы наиболее часто ссылаемся в тексте, как в тех случаях, когда мы с ним согласны, так и в тех, когда наши мнения расходятся.

К сожалению, С. А. Фалькнера это не удовлетворяет. Он хочет признания, что наша работа «в целом ряде принципиальных положений» попросту воспроизводит его идеи. При всем желании мы этого сделать не можем по двум основаниям. Во-первых, потому, что в основных теоретических положениях по вопросу о причинах, времени начала кризиса и др. мы с ним расходимся. Все же указанные в приведенной цитате вопросы С. А. Фалькнер совершенно напрасно именует принципиальными: они лежат исключительно в области констатирования фактов. И нам непонятно, почему из них необходимо признать «тезисами» С. А. Фалькнера, когда многие из них отмечались в текущей прессе (*Statist*, *Economist* и др.) и главное, когда все эти факты доступны любому исследователю, если ему доступны соответствующие довольно хорошо систематизированные ма-

⁵⁵ См.: Фалькнер С. А. Перелом в развитии мирового промышленного кризиса. Изд. 2, стр. XIII.

териалы о мировых конъюнктурах, такие как данные Института Harvard'a, издания Кейнса, Совета Лиги Наций и др., то есть те же материалы, которые были доступны и С. А. Фалькнеру. Правда, за профессором Фалькнером то преимущество, что он имел возможность значительно раньше опубликовать результаты своих исследований. Но профессор С. А. Фалькнер слишком переоценивает значение этого факта, и здесь лежит второе основание, почему мы не можем удовлетворить его желание. В то же время, когда в конце 1920 г. профессор С. А. Фалькнер печатал свои первые статьи о кризисе, над тем же вопросом работали и другие экономисты. В частности, под нашим общим руководством этим вопросом занимался Конъюнктурный Институт Петровской Академии, и результаты этих работ в устной форме были оглашены уже в самом начале 1921 г. Не отсылая к голосу живых свидетелей, сошлемся на печать. Профессор С. А. Первушин в своей статье «Конъюнктуры современного мирового хозяйства»⁵⁶, констатируя оживление мысли вокруг вопроса о конъюнктурах на Западе и у нас, пишет: «Инициатива его постановки в Москве принадлежит Петровской Сельскохозяйственной Академии, организовавшей Конъюнктурный Институт и поставившей ряд докладов на эту тему еще в начале 1921 г. (доклады Н. Н. Любимова и Н. Д. Кондратьева)». Этим мы вовсе не думаем приписывать себе приоритет или особое значение в направлении разработки вопроса о военных и послевоенных конъюнктурах. Но мы глубочайше убеждены, что брошенный С. А. Фалькнером упрек именно по нашему адресу и в столь притязательной форме не имеет под собой решительно никакой почвы.

Однако профессор С. А. Фалькнер не удовлетворяется разобраным упреком и на стр. 3 своей работы в анонимном примечании – «к сведению некоторых экономистов» – упрекает нас в том, что мы, заимствуя данные из его книги, ссылаемся на официальные источники, где приведенных данных нет, и только затем делаем приписку. (См. также статью С. А. Фалькнера.) Речь идет о движении реальной заработной платы в Сев. Америке во время 1914–1918 гг. С. А. Фалькнер исчислил движение ее за это время, по данным *Statistical abstract of the Un. States*, и опубликовал в «Материалах по статистике труда, вып. II». Мы имели статью С. А. Фалькнера. Но благодаря любезности Социалистической Академии мы имели в своем распоряжении и первоисточник, по которому могли делать все нужные, в частности и проверочные, исчисления и на который ссылаемся в книге многократно, в связи с различными иными вопросами. Очевидно, что и без всяких указаний С. А. Фалькнера мы хорошо знали, что в *Statistical abstract* нет прямых показателей реальной заработной платы, а есть данные для вывода этих показателей. Но и в своем примечании мы говорим только, что таблица составлена «по данным *Statistical abstract of the Un.*

⁵⁶ См. «Вестник статистики», № 5–8, 1921.

States 1919 г.» (см. нашу книгу, стр. 74). Вслед за этим мы ссылаемся также и на статью С. А. Фалькнера. Ужели профессор Фалькнер считает за собой монопольное право иметь дело с первоисточниками?

Между тем разобранный упрек С. А. Фалькнера с особым удовольствием подхватил Осинский. На стр. 1891 он обвиняет нас в том, что мы 1) избегаем ссылки на авторов, точки зрения которых нам не нравятся и 2) заимствуем материалы авторов, не называя их имени.

В качестве доказательства первого положения он указывает, что «из всех книжек Евг. Варга, изобилующих интересным материалом, проф. Кондратьев не берет решительно ничего. Проф. Варга упоминается лишь дважды». Что книжки профессора Варга интересны, против этого мы не спорим. Не станет, надеемся, спорить и Осинский, что у профессора Варга есть собственно три непосредственно относящиеся к интересующему нас вопросу книжки: 1) первое издание «Кризиса мирового капитализма», написанное, по признанию автора, в 4 недели, в России, на основании недостаточного материала, весной 1921 г., 2) второе издание той же работы, значительно расширенное и переработанное и 3) «Закат капитализма». Действительно интересный материал у профессора Варга содержится в двух последних работах. Но дело в том, что наша работа была закончена весной и вышла в конце лета 1922 г., а обе последние книги профессора Варга вышли на русском языке в самом конце 1922 г. или даже в 1923 г.⁵⁷ Немецкое издание «Кризиса...» вышло, по словам переводчика, весной 1922 г., когда наша книга была уже окончена, и во всяком случае оно нам не было известно. Между тем в первом издании книги профессора Варга нет таких материалов, которых не имели бы или не приводили бы мы. При таких условиях мы никак не могли воспользоваться материалами профессора Варга. Но причины этого совершенно не те, на которые без смущения указывает Осинский.

В качестве доказательства второго своего положения Осинский указывает следующее: «На стр. 62 книги Кондратьева есть таблица, в коей сведены средние годовые индексы цен по 8 странам. В примечании гордо красуется: “В основу положены: для Англии данные Economist'a, для Франции Statistique generale de la France” и т. д. Ни о Фалькнере, ни о каком-либо другом авторе сводки ни слова. На стр. 113 – продолжение этой таблицы за некоторые месяцы 1919 и 1920 гг. Здесь примечание: “Взяты те же индексы, что и в предыдущей главе. О движении цен рассматриваемого периода см. между прочим, С. А. Фалькнер: Мировое движение цен, статья в «Вестнике НКВТ» № 1, 1920 г.” Заглядываем в эту статью и на стр. 44 находим обе таблицы Кондратьева в виде единой “таблицы № 7”. Характернее всего, что в таблице № 7 Фалькнера есть ошибки или упущения

⁵⁷ На обложке обеих стоит 1923 г. Предисловие переводчика ко 2-му изд. «Кризиса...» датировано 8 ноября 1922 г. Предисловие «Заката...» датировано автором 29 сентября 1922 г.

ния (самого ли Фалькнера или его первоисточника – не знаем): за индекс 1913 г. в расчетах предшествующих 1920 г. берется число 92.115⁵⁸, а с 1920 г. число 9.186» (191 – 2 стр.). Отсюда мораль: «Кондратьев взял чужой материал, но откуда взял, не сообщил, заменив это великолепным: см. между прочим»».

Это обвинение чрезвычайно характерно для Осинского. Мы не знаем, в какой мере он знаком с современной техникой исчисления и публикации индексов товарных дел. Нам она достаточно известна.

Исчисленные в различных странах индексы в сводном безыменном виде публикуются в настоящее время целым рядом изданий, например *Statist Economist*, *Wirtschaft und Statistik*, *Monthly Bulletin of Statistics* и др. При таких условиях говорить о том или другом «авторе» или считать этим автором профессора Фалькнера значит, мягко выражаясь, недостаточно хорошо представлять себе имеющиеся материалы об индексах. Очевидно, что при наличии ряда сводных публикаций обязанность исследователя состоит во всяком случае в том, чтобы указать, какой индекс для данной страны, если их в ней несколько, он берет; например, для Англии индекс *Economist'a*, *Statist'a*, *Times'a* и т. д. Это мы и сделали на стр. 62, указав, какие индексы мы берем для каждой страны. И если Осинский по этому поводу иронически пишет: «В примечании гордо красуется: в основу положены для Англии данные *Economist'a* и т. д.», то ясно, что он просто не понимает смысла нашего указания, смешивая указание на то, чей индекс мы берем, с вопросом, откуда мы его берем.

О. А. Фалькнер в цитируемой нами работе, указывая, какие индексы он берет, точно так же не указывает, из какого издания он берет сводку индексов. Но это Осинского тревожит мало: его волнует, почему не сделали такого указания именно мы. Однако, если это его интересует, мы можем удовлетворить его «ученое» любопытство.

Составляя работу, мы имели в своем распоряжении ряд сводок с пересчетом индексов по основанию 1913 г., например, *The Statist*, от 14 февраля 1920 г., от 14 августа 1920 г., от 18 февраля 1922 г. и др. номера этого журнала, различные номера *Economist'a*, *The Annals* от мая 1920 г., *Monthly Bulletin of Statistics* и другие издания. Мы положили в основу, как наиболее полную, сводку *Monthly Bulletin of Statistics* (см. Vol. I, Bull. № 11 и Vol. II Bull. № 1), на какой источник мы ссылаемся в работе очень часто по различным другим поводам. Ссылаясь же на стр. 113 на работу профессора Фалькнера о ценах, мы указываем не на цифровой материал ее, что ясно из самого содержания ссылки, а на текстовой, ибо согласны с ним и характеристике изучаемого периода движения цен⁵⁹.

⁵⁸ Речь идет, очевидно, об основании индекса *Bradstreet's* по Соединенным Штатам, но Осинский ошибается в числах с 1920 г., берется за основание не 9.186, а 91.862.

⁵⁹ К сведению профессора Фалькнера.

Но в таком случае как же получилось, что на стр. 62 индексы Соединенных Штатов исчислены по основанию 1913 г. в 92.115, а на стр. 113 с 1920 г. по основанию 91.862, раз данные взяты из публикаций одного и того же издания? Берем *Monthly Bulletin* Vol. I, № 11 и видим, что основанием индекса *Bradstreet's* здесь служит 92.115, но данные обрываются по некоторым странам в марте 1920 г. По ходу изложения нам было необходимо продлить их до половины 1920 г. Тогда мы взяли имевшийся в Социалистической Академии⁶⁰ *Monthly Bulletin* Vol. II, № 1 и оттуда заимствовали сводные данные за 1920 г. Но именно в этом выпуске того же самого издания основанием индекса *Bradstreet's* (1913) служит уже 91.862.

В таком случае, почему мы не произвели пересчета данных Бюллетеня Vol. II, № 1 на прежнее основание 92.115? Потому что это совершенно бесполезно и ненужно. Дело в том, что в двух выпусках Бюллетеня различно не только основание, но различны и сами общие показатели цен по месяцам. Действительно, мы имеем, например, в 1920 г., в Бюллетене:

	Vol. I, № 11	Vol. II, № 1
Январь	20,3638	20,8690
Февраль	20,8690	20,7950 и т. д.

Очевидно, что пересчет данных Бюллетеня Vol. II, № 1 на прежнее основание 92.115 не привел бы к одному и тому же ряду, что и в Бюллетене Vol. I, № 11. Такое частичное несовпадение публикаций индексов для всякого знакомого с делом представляется совершенно обычным явлением, вытекающим из сложности в относительности статистики цен, из различия дат, по которым публикуются индексы в сводках для одного и того же месяца и др. Это явление не только обычное, но и совершенно не отражающееся на установлении тенденций движения цен. В самом деле, два интересующих нас основания индекса *Bradstreet's* различаются менее чем на 1 %. И переход от одного основания к другому даже при одном и том же показателе каждого месяца, например в феврале 1920 г., дает различие индексов всего на 0,6 %. Между тем пределы погрешности даже лучших индексов определяются в 10–15 %.

Ясно, что и это второе обвинение Осинского, не имея никакой научной почвы под собой, преследует совершенно ненаучные цели и свидетельствует о недостаточной ориентированности критика в литературе вопроса и о его непонятной придирчивости именно к нам. Эта придирчивость сопровождается к тому же весьма странным тоном, полным осуждения, гнева и различных квалификаций, далеко выходящих за пределы спора по существу.

⁶⁰ Если не ошибаюсь, в библиотеке Академии тогда было всего 3 или 4 номера Бюллетеня.

Так, доказав нашу «пристрастность» к авторам различных направлений и нашу «недобросовестность» в ссылках, Осинский пишет: «Вообще над Н. Д. Кондратьевым тяготеет то, что мы назвали бы “идиотизмом буржуазно-академической жизни”... (в параллель “идиотизму сельской жизни” К. Маркса), то есть влияние узкой, заскорузлой, цеховой среды, различающей “своих” и “чужих” и наряду с китайскими церемониями для первых, практикующей грубую бесцеремонность со вторыми» (192).

Наряду с этим вся статья Осинского пестрит эпитетами вроде «апологет капитализма» (177), «вульгарный экономист» (193), «трепещущий перед государственными мужами Антанты» (203) и т. д. и т. п. Создается, что только из статьи Осинского мы узнали, что у нас был трепет перед государственными мужами Антанты, когда мы писали книгу.

Отвечать на эти окрики и характеристики как таковые мы не считаем ни нужным, ни уместным. Косвенным ответом на них служит все предыдущее изложение по существу затронутых вопросов. Если из всех критиков нашей работы только один Осинский нашел необходимым «доказывать» свои тезисы между прочим и такими терминологическими аргументами, то, по методу различия, мы можем умозаключить, что причины этого субъективно-психологические, и они лежат на стороне критика. Но очевидно, что в этой плоскости, где доводы знания заменяются субъективно-психологическими доводами желчи, подозрений и гнева, места для плодотворного спора нет и быть не может⁶¹.

⁶¹ Так как по независящим обстоятельствам мы не могли вести последнюю корректуру нашей книги, то в нее вкралось несколько грубых ошибок. Между прочим просим исправлять следующие:

На стр. 83 в таблице о посевных площадях «в группе IV. Все страны» следует читать соответственно:

1909– 1913	75.547	14.062	15.638	42.296	57.461	205.006
1920	78.536	11.766	14.936	39.018	55.849	200.105

На стр. 83 в таблице о посевных площадях «в группе IV. Все страны» следует читать соответственно:

1909– 1913	784.048	210.429	220.772	484.089	906.978	2.606.316
1920	750.207	118.876	200.884	500.148	1.014.582	2.584.692

На стр. 81 в первой строке страницы следует читать не «Дания», а «Голландия».